

Л. Кропоткинъ.

V $\frac{201}{424}$

СОВРЕМЕННАЯ
НАУКА
И
АНАРХИЗМЪ.

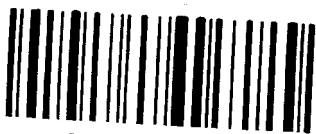
«ДОВОЛЬСТВО ДЛЯ ВСѢХЪ!»

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„СВОБОДНЫЙ ДОГОВОРЪ“

1906.

Электротечатня Я. Левенштейнъ, Екатеринбург. пр., 10—19.

2007338154

Современная наука и Анархизмъ.

I.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я постараюсь вкратцѣ изложить положеніе анархизма въ современной наукѣ и философіи.

Анархизмъ, какъ и социализмъ вообще, и какъ всякое другое общественное движеніе, развился, конечно, не изъ науки, не изъ философіи. Общественныя науки еще очень далеки отъ того времени, когда онѣ станутъ такими же точными, какъ физика и химія. И если мы, даже въ изученіи климата и погоды (метереологій) еще не дошли до того, чтобы предсказывать погоду за мѣсяцъ впередъ, или даже за недѣлю,—то напрасно было бы ожидать отъ молодыхъ общественныхъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ явленіями, несравненно болѣе сложными, чѣмъ вѣтеръ и дождь, чтобы онѣ могли уже съ достовѣрностью предсказывать грядущія общественныя явленія. Притомъ не слѣдуетъ забывать, что ученые тѣ же люди и что большинство изъ нихъ или принадлежитъ по происхожденію къ зажиточнымъ классамъ и пропитано предрасудками своего класса, или же состоитъ на службѣ у государства.—Не изъ университетовъ, слѣдовательно, идетъ анархизмъ.

Какъ и социализмъ вообще, анархизмъ родился среди народа, и до тѣхъ только поръ онъ останется полнымъ жизни и творческой силы, пока будетъ оставаться народнымъ.

* * *

Во всѣ времена, въ человѣческихъ обществахъ боролись два теченія. Съ одной стороны, народныя массы вырабатывали, въ видѣ обычая, рядъ учреждений, необходимыхъ для того, чтобы общественная жизнь была возможна,—чтобы обезпечить миръ въ своей средѣ, улаживать возникающіе раздоры и помогать другъ другу во всемъ томъ, что требуетъ соединенныхъ усилій. Родовой бытъ у дикарей, сельская община и мірской судъ, охотничья и позднѣе промышленная артель, вольные города республики вѣчевого строя, возникшіе среди нихъ зачатки международнаго права и многія другія учреждения были

выработаны не законодателями, а самимъ народнымъ творчествомъ

И во всѣ времена, появлялись также среди людей волхвы, шаманы, прорицатели, жрецы и начальники военныхъ дружинъ, стремящиеся установить и упрочить свою власть надъ народомъ. Они сплачивались между собою, вступали въ союзъ и поддерживали другъ друга, чтобы начальствовать надъ людьми, держать ихъ въ повиновеніи, управлять ими—и заставляя ихъ работать на себя.

Анархизмъ является, очевидно, представителемъ перваго течения,—то-есть творческой, созидательной силы самаго народа, стремившагося выработать учрежденія обычнаго права, которыя уберegli бы его отъ желающаго властвовать меньшинства. Силою же народнаго творчества и народной созидательной дѣятельности, опирающейся на современное знаніе и технику, анархизмъ стремится и теперь выработать учрежденія, которыя обезпечили бы свободное развитіе общества. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, анархисты и государственники существовали во всѣ времена исторіи.

Затѣмъ, во всѣ времена происходило также то, что учрежденія, даже самыя прекрасныя по своей первоначальной цѣли, выработанныя сперва людьми ради обезпеченія равенства, мира и взаимной поддержки,—со временемъ окаменѣвали, утрачивали свой первоначальный смыслъ, подпадали подъ иго властолюбиваго меньшинства и становились, наконецъ, стѣсненіемъ для личности въ ея стремленіи къ дальнѣйшему развитію. Тогда отдѣльныя личности возставали противъ этихъ учрежденій. Но одни изъ этихъ недовольныхъ старались сбросить съ себя иго общественныхъ учрежденій—рода, общины, гильдіи,—исключительно для того, чтобы получить возможность самимъ возвыситься надъ остальными и обогатиться на ихъ счетъ; тогда какъ другіе возставали противъ стѣснительнаго установленія, съ цѣлью видоизмѣнить его на пользу всѣмъ—въ особенности же, чтобы стряхнуть ярмо власти, наслѣвшей на общество. Всѣ реформаторы, политическіе, религіозные и экономическіе, принадлежали къ этому числу. И среди нихъ во всѣ времена появлялись также личности, которыя, не дожидаясь, чтобы всѣ ихъ сородичи, или даже большинство, прониклись тѣми же воззрѣніями, шли впередъ,—гдѣ можно гурьбою, а не то и въ одиночку—на борьбу противъ угнетенія. Такія личности становились революціонерами, и мы ихъ также встрѣчаемъ во всѣ времена.

Но и сами революціонеры обыкновенно являлись въ исторіи съ двоякимъ характеромъ. Одни изъ нихъ, возставая противъ власти, которая наслѣла на общество, стремились—не уничтожить ее, а только захватить ее въ свои руки. На мѣсто власти,

ставшей стѣснительною, они стремились создать новую,—обѣщая, что она будетъ держать близко къ сердцу интересы народа и станетъ представительницею самого народа. Такъ, между прочимъ, создавалась власть кесаря въ императорскомъ Римѣ, церковная власть въ первые вѣка послѣ паденія Римской имперіи, власть диктаторовъ въ эпоху упадка средневѣковыхъ городовъ-республикъ; этимъ же теченіемъ пользовались королевская и царская власть къ концу феодальнаго періода. Вѣра въ императора-народника (цезаризмъ) не угасла даже до сихъ поръ.

Но въ то же время всегда намѣчалось и другое теченіе. Во всѣ времена, начиная съ древней Греціи, появлялись личности и направленія, стремившіяся не къ замѣнѣ одной власти другою, а къ уничтоженію власти, насѣвшей на общественныя учрежденія. Они провозглашали верховныя права личности и народа и стремились освободить народныя учрежденія отъ чуждой и враждебной имъ силы—съ тѣмъ, чтобы свободное народное творчество могло перестроить вновь эти учрежденія, согласно новымъ потребностямъ. Въ исторіи древне-греческихъ, а въ особенности средне-вѣковыхъ городовъ-республикъ, мы находимъ множество поразительныхъ примѣровъ этой борьбы (Флоренція и Псковъ особенно любопытны въ этомъ отношеніи). Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, якобинцы и анархисты также существовали во всѣ времена среди реформаторовъ и революціонеровъ.

Въ прошлые вѣка, бывали даже громадныя народныя движенія этого послѣдняго характера. Многія тысячи людей поднимались тогда противъ государственнаго начала—его орудій, суда и законовъ—провозглашали верховныя права человѣка. Отрицая всѣ писанные законы, эти движенія стремились основать новое общество на началахъ равенства и труда и на управленіи каждаго своею собственною совѣстью. Въ христіанскомъ движеніи, начавшемся въ Іудеѣ, въ правленіе Юлія Кесаря,—противъ римскаго закона, римскаго государства и римской нравственности (или, вѣрнѣе, безнравственности),—несомнѣнно было въ основѣ много анархическаго. Только понемногу выродилось оно въ Церковное движеніе, по образцу древне-еврейской Церкви и самаго Рима, которое убило анархическую закваску, приняло римскія государственныя формы и стало со временемъ главнымъ оплотомъ государственной власти, рабства и угнетенія.

Точно также въ движеніи анабаптистовъ, которое, въ сущности, и положило начало Реформациі, было много анархическаго. Но, раздавленное тѣми изъ реформаторовъ, которые, подъ руководствомъ Лютера, сошлись съ князьями противъ возставшихъ крестьянъ, оно заглохло послѣ кровавыхъ расправъ

надъ крестьянами и горожанами. Тогда правое крыло реформаторовъ выродилось понемногу въ ту сдѣлку со своей совѣстью и съ государствомъ, которая существуетъ теперь подъ именемъ протестантизма.

Повторяя вкратцѣ сказанное, — анархизмъ ведетъ, слѣдовательно, свое происхожденіе изъ созидательной, творческой народной дѣятельности, которою вырабатывались въ прошломъ всѣ учрежденія общежитія, и изъ протеста—изъ возстанія личности и народовъ противъ насѣвшей на эти учрежденія, чуждой имъ, силы; того протеста, въ которомъ возставшіе стремились дать снова просторъ творческой народной дѣятельности съ тѣмъ, чтобы она могла проявиться съ новою силою для выработки нужныхъ учрежденій.

Въ наше время, анархизмъ родился изъ того же протеста—критическаго и революціонернаго,—изъ котораго родился весь социализмъ. Только часть социалистовъ, дойдя до отрицанія капитала и общественнаго строя, основаннаго на порабоженіи работника капиталистомъ, остановилась на этомъ. Она не возстала противъ главнаго, по нашему мнѣнію, оплота капитала—государства—и главныхъ его оплотовъ: объединенія власти, закона (писаннаго меньшинствомъ на пользу меньшинства) и суда, установленнаго главнымъ образомъ для защиты власти и капитала. Анархизмъ же не остановился въ своей критикѣ передъ этими учрежденіями. Онъ поднялъ свою святотатственную руку не только противъ капитала, но и противъ этихъ оплотовъ капитализма.

II.

Но если анархизмъ, подобно всѣмъ другимъ революціоннымъ направленіямъ, зародился среди народа—въ борьбѣ, а не въ кабинетѣ ученаго, — то, тѣмъ не менѣе, важно знать, какое мѣсто занимаетъ онъ среди различныхъ научныхъ и философскихъ теченій мысли, существующихъ въ настоящее время; какъ онъ къ нимъ относится; на которое изъ нихъ онъ преимущественно опирается; какимъ методомъ пользуется онъ, чтобы обосновать и подкрѣпить свои выводы? Другими словами—къ какой школѣ философіи права онъ принадлежитъ, и съ какимъ изъ нынѣ существующихъ направленій въ наукѣ онъ выказываетъ наибольшее сродство?

Для русской молодежи, непомѣрно увлекавшейся за послѣднее время экономической метафизикою, такой вопросъ, вѣроятно, представить нѣкоторый интересъ, и я постараюсь товѣтить на него, по мѣрѣ силъ, — коротко и ясно, и, по возможности, избѣгая мудреныхъ словъ тамъ, гдѣ ихъ можно избѣжать.

Умственное движеніе нашего вѣка ведетъ свое начало отъ

шотландскихъ и французскихъ философъ середины и конца восемнадцатаго вѣка. Всеобщій подъемъ мысли, начавшійся въ ту пору, привелъ этихъ мыслителей къ желанію охватить всѣ человѣческія знанія въ одной общей системѣ. Отбросивъ царившую до тѣхъ поръ средне-вѣковую схоластику и метафизику, они рѣшились взглянуть на всю природу—на звѣздный міръ, на жизнь нашей солнечной системы и нашей планеты, на развитіе животнаго міра и человѣческихъ обществъ—какъ на явленія, подлежащія естественно-научному изслѣдованію.

Широко пользуясь истинно-научнымъ индуктивно-дедуктивнымъ методомъ, они приступали къ изученію всякой группы явленій—будь ли то изъ міра звѣздъ, или изъ міра животныхъ, или изъ міра человѣческихъ вѣрованій и учреждений—такъ, какъ приступаетъ естествоиспытатель къ изученію любого физическаго вопроса. Они тщательно изучали явленія и свои обобщенія строили путемъ наведенія (индукціи). Дедуктивнымъ путемъ они доходили до нѣкоторыхъ предположеній (гипотезъ); но они смотрѣли на нихъ такъ, какъ смотрѣлъ, напримѣръ, Дарвинъ на свое предположеніе о закрѣпленіи новыхъ видовъ путемъ борьбы за существованіе, или—какъ Менделѣевъ смотритъ на свой „періодическій законъ“. Они видѣли въ нихъ предположенія, удобныя для группировки фактовъ и ихъ дальнѣйшаго изученія, но подлежащія провѣркѣ индуктивнымъ путемъ и становящіяся законами (доказанными обобщеніями) только тогда, когда они выдержатъ эту провѣрку и послѣ того, какъ причины законѣрности будутъ выяснены.

Когда центръ философскаго движенія перешелъ изъ Шотландіи и Англіи во Францію, то французскіе философы, со своимъ имъ чувствомъ стройности, взялись за систематическую перестройку всѣхъ человѣческихъ знаній—естественно-научныхъ, историческихъ—на тѣхъ же началахъ. Отсюда родилась попытка построить общественное знаніе—философію—всего міра и всей его жизни въ стройной научной формѣ, отбрасывая всякія метафизическія построенія и объясняя всѣ явленія дѣйствіемъ тѣхъ же физическихъ, то-есть механическихъ силъ, которыя оказались достаточными для объясненія возникновенія и развитія Земного Шара.

Говорятъ, что въ отвѣтъ на замѣчаніе Наполеона I-го Лапласу, что въ его „Системѣ Міра“ нигдѣ не упоминается богъ, Лапласъ отвѣтилъ: „Я не нуждался, въ этой гипотезѣ“. Но Лапласъ не нуждался не только въ этомъ предположеніи: онъ не почувствовалъ надобности прибѣгнуть и къ метафизическимъ словамъ, за которыя прячется туманное непониманіе явленій и неспособность представить ихъ въ конкретной, вещественной формѣ, въ видѣ измѣримыхъ величинъ. Онъ обошелся безъ метафизики. И хотя въ его „Изложеніи Системы Міра“

нѣтъ метафизическихъ выкладокъ, и написана она такъ просто, что доступна каждому образованному читателю, — математики смогли выразить въ послѣдствіи каждую отдѣльную мысль этой книги въ видѣ точныхъ математическихъ уравненій, — то есть въ отношеніяхъ измѣримыхъ величинъ. До того точно и строго мыслилъ и выражался Лапласъ.

Точно также отнеслись французскіе философы восемнадцатаго вѣка и къ явленіямъ духовнаго міра. У нихъ вовсе не встрѣчается такихъ метафизическихъ утвержденій, какія мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у Канта. Кантъ, какъ извѣстно, объяснял нравственное чувство человѣка „категорическимъ императивомъ, который можетъ стать всеобщимъ закономъ“. Но здѣсь, что ни слово, то подставленіе нѣкоего туманнаго, непонятнаго представленія (императивъ, категорическій, законъ, всеобщій) на мѣсто того вещественнаго факта, который требуется объяснить. Французскіе же энциклопедисты, также какъ и ихъ англійскіе предшественники, пытаясь объяснить, откуда въ человѣкѣ берется понятіе о добрѣ и злѣ, не подставляли „словечка тамъ, гдѣ понятія плохуютъ“, какъ выразился Гете. Они брали человѣка, — живого, какой онъ есть. Они изучали его и находили, какъ это сдѣлалъ Хэтчесонъ (1725), а за нимъ Адамъ Смитъ, въ своемъ лучшемъ сочиненіи, „О происхожденіи нравственности“, — что нравственныя понятія развивались въ человѣкѣ изъ чувства сожалѣнія (симпатіи), изъ его способности отождествлять себя съ другими, изъ того, что мы почти чувствуемъ боль, когда при насъ бьютъ ребенка, и возмущаемся этимъ. Изъ такихъ простыхъ наблюденій надъ обще-извѣстными фактами, доходили они постепенно до самыхъ широкихъ обобщеній. Такимъ образомъ, они дѣйствительно объясняли сложное нравственное чувство болѣе простыми фактами, а не подставляли на мѣсто понятныхъ, извѣстныхъ намъ фактовъ нравственнаго чувства, непонятныя, туманныя и ничего необъясняющія слова, въ родѣ „категорическаго императива“ или „всеобщаго закона“. Польза такого приѣма очевидна. На мѣсто „внушенія свыше“ и внѣ-человѣческаго, чудеснаго происхожденія нравственности являлось вынесенное человѣкомъ изъ опыта и унаслѣдованное чувство симпатіи, жалости, усовершенствованное въ послѣдствіи дальнѣйшимъ наблюденіемъ общественной жизни.

Переходя отъ міра звѣздъ и физическихъ явленій къ міру химическихъ преобразованій, или отъ физики и химіи — къ жизни растений и животныхъ, а затѣмъ и къ развитію экономическихъ и политическихъ формъ общежитій и религій, — мыслители восемнадцатаго вѣка не мѣняли своего приѣма (метода) изслѣдованій. Они прилагали ко всѣмъ областямъ знанія все тотъ же индуктивный методъ. И такъ какъ, даже въ области

нравственныхъ понятій они не находили той точки, гдѣ бы этотъ приемъ оказался несостоятельнымъ и гдѣ пришлось бы поневолѣ прибѣгнуть либо къ метафизическимъ представленіямъ (богъ, безсмертная душа, жизненная сила, категорическій императивъ, вдохнутый свыше и тому подобное), либо къ замѣнѣ индуктивнаго метода какимъ-нибудь другимъ, схоластическимъ методомъ, — они весь міръ, всѣ его явленія пытались объяснить тѣмъ же естественно-научнымъ путемъ. Энциклопедисты составляли свою монументальную энциклопедію, Лапласъ писалъ свою „Систему міра“, а Гольбахъ — „Систему природы“; Лавуазье выступалъ съ неистребимостью вещества, а слѣдовательно и энергіи — движенія; Ломоносовъ въ то же время набрасывалъ механическую теорію теплоты; Ламаркъ брался за объясненіе происхожденія новыхъ видовъ путемъ накопленія физическихъ измѣненій, въ зависимости отъ среды; Дидро давалъ объясненіе нравственности, обычаевъ и религій, чуждое всякихъ внушеній извнѣ; Руссо пытался объяснить зарожденіе политическихъ учрежденій путемъ договора, т.-е. акта человѣческой воли... Словомъ, не было области, которой они не начали бы разрабатывать на почвѣ вещественныхъ явленій — все тѣмъ же естественно-научнымъ методомъ.

Конечно, въ этой смѣлой попыткѣ были сдѣланы и нѣкоторыя кручныя промахи. Тамъ, гдѣ не хватало знаній, высказывались предположенія иногда очень смѣлыя, а иногда и совершенно ошибочныя. Но новый методъ былъ приложенъ къ разработкѣ всѣхъ отраслей знанія, и, благодаря ему, самыя ошибки легко были открыты и указаны впослѣдствіи. И тѣмъ самымъ, и нашему вѣку, девятнадцатому, было завѣщено орудіе изслѣдованія, которое дало намъ возможность построить все наше міросозерцаніе на научныхъ началахъ, освободивъ его, какъ отъ завѣщанныхъ намъ суевѣрій, такъ и отъ привычки отдѣлываться отъ научныхъ вопросовъ туманными словами.

Послѣ пораженія французской революціи начинается всеобщая реакція: въ политикѣ, въ наукѣ, въ философіи.

Конечно, основныя начала Великой Революціи не погибли. Освобожденіе крестьянъ и горожанъ отъ крѣпостной зависимости, равенство передъ закономъ и представительное (конституціонное) правленіе, провозглашенныя революціею, стали медленно пролагать себѣ путь въ жизни во Франціи и внѣ ея. Послѣ революціи, провозгласившей великія начала свободы, равенства и братства, началась медленная эволюція, т.-е. медленное преобразование, которое проводило въ жизнь и въ законы начала, намѣченныя, но только отчасти осуществленныя Революціею. (Такое осуществленіе эволюціи началъ, провозглашенныхъ предыдущею революціею, можно даже признать закономъ

развитія обществъ). Хотя Церковь, Государство и даже Наука начали топтаться въ грязь то знамя, на которомъ революція начертала „Свобода, равенство и братство“, хотя примиреніе съ существующимъ и стало на время всеобщимъ лозунгомъ; но начала свободы все-таки проводились понемногу въ жизнь. Крѣпостныя отношенія, уничтоженныя республиканскими арміями въ Италіи и Испаніи, были, правда, возстановлены; возродилась даже инквизиція. Но имъ уже нанесенъ былъ смертный ударъ — и они погибли. Волна освобожденія отъ крѣпостного ига дошла сперва до западной, а потомъ и до восточной Германіи и разлилась по полуостровамъ; идя медленно на востокъ, она достигла Россіи въ 1861 г. и Балканскаго полуострова въ 1878 г. Рабство исчезло въ Америкѣ въ 1863 г. Въ то же время идеи равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ и представительнаго правленія распространились тоже волною съ запада на востокъ, и къ концу столѣтія одна только Россія осталась подъ игомъ надтреснутаго, впрочемъ, самодержавія.

* * *

Съ другой стороны, на рубежѣ восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣка уже провозглашены были идеи экономическаго освобожденія. Годвинъ въ Англіи выступилъ въ 1793 г. со своимъ, по истинѣ замѣчательнымъ, сочиненіемъ — „Изслѣдованіе политической справедливости и ея вліянія на общую нравственность и счастье“, гдѣ онъ являлся первымъ теоретикомъ безгосударственнаго социализма, т.-е. анархизма; а Бабэфъ, — въ особенности, повидимому, подъ вліяніемъ Буонаротти, выступилъ въ 1796 г. первымъ теоретикомъ централизованнаго государственнаго социализма.

Затѣмъ, разрабатывая начала, намѣченныя уже въ прошломъ вѣкѣ, появляются Фурье, Сень-Симонъ и Робертъ Оуэнъ — три основателя современнаго социализма, въ трехъ главныхъ его школахъ, — а въ сороковыхъ годахъ Прудонъ, незнакомый съ Годвиномъ, сизнова кладетъ основы анархизма.

Научныя основы государственнаго социализма были такимъ образомъ положены, — съ полнотою, вовсе неощенною нашими современниками — въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Въ двухъ только пунктахъ, несомнѣнно весьма важныхъ, современный социализмъ сдѣлалъ крупный шагъ впередъ. Онъ сталъ революціоннымъ и порвалъ связь съ христіанскою религіею. Онъ понялъ, что для осуществленія его идеаловъ нужна Соціальная Революція — и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ иногда о „промышленной революціи“ или о „революціи въ наукахъ“, но въ точномъ, вещественномъ смыслѣ слова „Революція“, — въ смыслѣ ломки коренныхъ основъ нынѣшняго общества. И онъ пересталъ путать свои воззрѣнія съ мечтательно-

реформаціонными воззрѣніями христіанской религіи. Но это послѣднее было сдѣлано уже Годвиномъ и Р. Оуэномъ. Что же касается до поклоненія передъ сосредоточенною властью и до возвеличенія подчиненности (дисциплины), которымъ челоуѣчество исторически обязано, больше всего, средне-вѣковой церкви и церковному правленію вообще, — то эти „переживанія“ до сихъ поръ еще удержались среди массы социалистовъ, которые, такимъ образомъ, еще не дошли до уровня своихъ двухъ англійскихъ родоначальниковъ.

* * *

О томъ, какое вліяніе реакція, начавшаяся послѣ великой революціи оказала на развитіе наукъ, трудно было бы говорить въ этомъ очеркѣ *). Достаточно будетъ сказать, что большая часть того, чѣмъ гордится современная наука, было уже намѣчено, и болѣе чѣмъ намѣчено — высказано иногда въ опредѣленной научной формѣ еще въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Механическая теорія теплоты и неистребляемость движенія (сохраненіе энергіи), измѣняемость видовъ путемъ вліянія окружающей среды, физиологическая психологія, антропологическое пониманіе исторіи, религіи и законодательства, законы развитія мышленія — однимъ словомъ, все механическое міросозерцаніе и синтетическая философія (философія, охватывающая всѣ физическія, химическія, жизненные и общественныя явленія, какъ одно цѣлое) были уже намѣчены и отчасти установлены въ прошломъ вѣкѣ.

Но, съ наступившею реакціею, въ продолженіе цѣлаго полу-вѣка, этимъ открытіямъ не даютъ хода; ихъ держатъ подъ спудомъ. Ученые замалчиваютъ ихъ, или объявляютъ „ненаучными“. Подъ предлогомъ „изученія фактовъ“ и „накопленія научнаго матерьяла“, даже такія точныя измѣренія, какъ опредѣленіе механической силы, потребной для полученія даннаго количества тепла (опредѣленіе Мейеромъ механическаго эквивалента теплоты), отвергаются учеными. Англійская академія наукъ отказывается даже напечатать изслѣдованіе Джоуля потому, что „оно ненаучно“. Замѣчательныя же работы Грове, сдѣланныя въ 1843 году надъ единствомъ физическихъ силъ, остаются вплоть до 1856 года безъ всякаго вниманія. Только знакомясь съ исторіею точныхъ наукъ за это пятидесятилѣтіе, можно понять густоту мрака, нависшаго тогда надъ Европою.

Завѣса была порвана сразу, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда въ западной Европѣ началось то либеральное умственное движеніе, которое привело у насъ, въ Россіи, къ унич-

*) Кое-что въ этомъ направленіи изложено въ моей (англійской) лекціи „О научномъ развитіи въ XIX вѣкѣ“.

тоженію крѣпостного права, кнута и шпицрутеновъ, въ философіи низвергло Шеллинга и Гегеля, а въ жизни породило смѣлое отрицаніе умственного рабства и поклоненія передъ авторитетами и обычаемъ, извѣстное подъ именемъ нигилизма.

Любопытно замѣтить при этомъ—насколько социалистическія ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, а также революція 1848 года, помогли наукѣ сбросить съ себя путы, наложенныя на нее послѣ-революціонною реакціею. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, достаточно сказать, что вышепомянутый Сегенъ и Огюстѣнъ Тьерри (историкъ, положившій начало изученію вѣчевого строя и федерализма) были Сень-Симонисты; что сподвижникъ Дарвина, А. Р. Уоллэсъ, былъ въ молодости горячій послѣдователь Роберта Оуэна; что Огюстъ Контъ былъ Сень-Симонистъ, а Рикардо и Бентамъ—Оуэнисты; и что материалисты Карлъ Фохтъ и Люисъ, а также Милль, Грове и Спенсеръ и многіе другіе пережили вліяніе освободительнаго радикально-социалистическаго движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Свою научную смѣлость они почерпнули изъ этого вліянія.

Одновременное появленіе трудовъ Грове, Джоуля, Бертело и Гельмгольца, Дарвина, Клода Бернара, Молешотта и Фохта, Ляйелля, Бэна, Милля и Бюрнуфа въ короткій пятилѣтній промежутокъ 1856—1862, въ корень измѣнило самыя основныя воззрѣнія науки. Наука сразу рванулась на новый путь. Цѣлыя новыя отрасли изслѣдованія создались съ поразительной быстротой. Наука о жизни (біологія), о человѣческихъ учрежденіяхъ (антропология), о разумѣ, волѣ и страстяхъ (психология), объ исторіи права и религіи, и такъ далѣе, выросли на нашихъ глазахъ, поражая умъ смѣлостью своихъ обобщеній и дерзостью своихъ выводовъ. То, что въ прошломъ вѣкѣ было только гениальною догадкою, являлось теперь, доказанное вѣсами и микроскопомъ, провѣренное на тысячахъ приложеній. Самая манера писать измѣнилась, и наука вернулась къ ясности, точности и красотѣ изложенія, которыя свойственны индуктивному методу и которыми отличались тѣ изъ мыслителей восемнадцатаго вѣка, кто порвалъ съ метафизикою.

Предсказать, по какому пути пойдетъ наука въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи—конечно невозможно. Покуда ученые будутъ зависѣть отъ богатыхъ людей и отъ правительствъ, они неизбѣжно будутъ подчиняться ихъ давленію. А потому они, конечно, могутъ опять, на время, затормозить развитіе знаній. Но несомнѣнно одно: въ наукѣ, какъ она складывается теперь, уже нѣтъ надобности ни въ гипотезѣ, въ которой не нуждался Лапласъ, ни въ метафизическихъ „словечкахъ“, надъ которыми смѣялся Гете. Книгу природы, книгу органической жизни и книгу развитія человѣчества уже можно читать, не

прибѣгая ни къ силѣ творца, ни къ мистической „жизненной силѣ“, ни къ безсмертной душѣ, ни къ Гегелевской трилогіи, ни къ одаренію отвлеченныхъ символовъ реальной жизнью. Явленія механическія, въ своей постоянно-возрастающей сложности, достаточны для объясненія природы и всей органической и общественной жизни.

Многое, очень многое въ мірѣ намъ еще неизвѣстно, темно и непонятно; и такіе неясные для насъ пробѣлы будутъ открываться все новые и новые, по мѣрѣ того, какъ старыя будутъ заполняться. Но мы не знаемъ, и не видимъ возможности открытія какой-нибудь такой области, гдѣ бы тѣ простыя явленія, которыя мы наблюдаемъ при паденіи камня, при ударѣ двухъ билліардныхъ шаровъ, или при химическомъ измѣненіи — явленія механическія — оказались бы недостаточны для объясненія.

III.

Естественно, что, какъ только наука могла дойти до такихъ обобщеній, въ ней должна была зародиться мысль о синтетической философіи; т. е. о такой философіи, которая, не разсуждая болѣе о „сущностяхъ“, о „мировой идеѣ“, о „назначеніи жизни“ и тому подобныхъ символахъ, и отказавшись отъ очеловѣченія природы (антропоморфизации), представила бы собою сводъ и объединеніе всѣхъ нашихъ знаній; о философіи, однимъ словомъ, которая, восходя отъ простаго къ сложному, давала бы ключъ къ пониманію всей природы, во всей ея жизни, и тѣмъ самымъ дала бы орудіе и вѣрное средство изслѣдованія того, чего мы еще не знаемъ, и для открытія соотношеній (такъ-называемыхъ законовъ), нами еще неоткрытыхъ, а также увѣренность въ справедливости нашихъ заключеній, какъ бы они ни расходились съ ходячими предразсудками.

Такія попытки синтетической философіи дѣлались нѣсколько разъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ; но наиболѣе широкое значеніе имѣютъ попытки Огюста Конта и Герберта Спенсера. На нихъ мы должны будемъ остановиться.

Какъ показалъ Вл. Соловьевъ въ прекрасной статьѣ объ Огюстѣ Контѣ (въ Энциклопедическомъ Словарѣ), „необходимость такой философіи была признана еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, — экономистомъ и мыслителемъ Тюрго, и впоследствии еще яснѣе — Сень-Симономъ. Мало того, какъ уже было замѣчено выше, къ осуществленію ея уже приступали энциклопедисты, а также и Вольтеръ, въ своемъ „Философскомъ Словарѣ“. Въ болѣе строгой, научной формѣ, которая удовлетво-

ряла бы требованіямъ точныхъ наукъ, за нее взялся теперь Контъ.

Что Контъ прекрасно выполнилъ свою задачу по отношенію къ точнымъ наукамъ; что онъ былъ правъ, введя науку о жизни вообще (біологію) и о человѣческихъ обществахъ (соціологію) въ кругъ наукъ, охватываемыхъ его позитивною философіею; и что наконецъ его философія оказала громадное влияніе на всѣхъ ученыхъ и мыслящихъ людей девятнадцатаго вѣка—хорошо извѣстно.

Но отчего же, спрашиваютъ себя всѣ изучающіе Конта, великій философъ оказался такъ слабъ, едва только взялся въ своей „Позитивной Политикѣ“ за изученіе человѣческихъ учрежденій, особенно современныхъ? Какимъ образомъ могъ такой широкий, положительный умъ дойти до той религіи, которую Контъ проповѣдывалъ въ концѣ своей жизни? Литтре и Милль, какъ извѣстно, даже отказываются признать Контовскую „Политику“ за часть его философіи и считаютъ ее плодомъ ослабѣвавшаго уже ума; другіе же тщетно стараются отыскать единство метода въ обоихъ сочиненіяхъ.

А между тѣмъ, противорѣчіе между обоими сочиненіями Конта въ высшей степени характерно и проливаетъ яркій свѣтъ на запросы нашего времени.

Когда Контъ закончилъ свой Курсъ Позитивной Философіи, онъ несомнѣнно долженъ былъ замѣтить, что его философія еще не коснулась самаго главнаго,—именно, происхожденія въ человѣкѣ нравственнаго начала и влиянія этого начала на человѣческую жизнь. Ему требовалось выяснить происхожденіе этого начала, объяснить его тѣми же явленіями, которыми онъ объяснялъ жизнь вообще, показать почему человѣкъ чувствуетъ потребность повиноваться своему нравственному чувству, или, по крайней мѣрѣ, считаться съ нимъ. Но на это у него не хватило ни знаній (въ то время, когда онъ писалъ, оно и понятно), ни смѣлости. Тогда, онъ взялъ бога, понимаемаго религіями, какъ кумиръ, которому надо поклоняться и молиться, чтобы быть нравственнымъ, и на его мѣсто поставилъ Человѣчество, съ прописною буквою. Этому новому кумиру онъ велѣлъ молиться, чтобы развивать въ себѣ нравственное начало. Но разъ этотъ шагъ былъ сдѣланъ, разъ поклоненіе чему-то стоящему внѣ и выше личности было признано необходимымъ для того, чтобы удержать человѣка на нравственной стезѣ,—все остальное вытекало само собою. Даже обрядность контовской религіи сложилась совершенно естественно, по образцу всѣхъ предшествовавшихъ положительныхъ религій.

Разъ Контъ не допустилъ, что все, что есть нравственнаго въ человѣкѣ, выросло изъ наблюденія природы и изъ самихъ условій сожителства людей, разъ онъ не призналъ, что

въ человѣкѣ нравственное начало также прочно, какъ и вся остальная его организація, унаслѣдованная имъ изъ постепеннаго развитія (эволюціи); что нравственное начало въ человѣкѣ имѣетъ свое происхожденіе въ стадной жизни животныхъ, предшествовавшихъ человѣку на землѣ; и что, слѣдовательно, каковы бы ни были уклоненія отдѣльныхъ личностей, оно должно жить въ человѣчествѣ, пока родъ человѣческій не пойдетъ на вымираніе; а потому противунравственная дѣятельность отдѣльныхъ личностей неизбѣжно будетъ вызывать противодѣйствіе окружающихъ, какъ дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе въ физическомъ мірѣ; разъ Контъ не понялъ этого, онъ вынужденъ былъ выдумать новый кумиръ—Человѣчество,—чтобы этотъ кумиръ постоянно возвращалъ человѣка на нравственный путь.

Подобно Сень-Симону, Фурье, и почти всѣмъ своимъ современникамъ Контъ заплатилъ, такимъ образомъ, дань своему христіанскому восцитанію: безъ борьбы дурнаго начала съ хорошимъ—причемъ оба должны быть равносильны,—и безъ обращенія человѣка съ молитвою къ хорошему началу за назиданіемъ, и къ его земнымъ апостоламъ для укрѣпленія себя въ добрѣ, — христіанство невысказано. И Контъ, проникнутый съ дѣтства этою христіанскою идеею, вернулся къ ней, какъ только встрѣтился лицомъ къ лицу съ вопросомъ о нравственности и о средствахъ укрѣпленія ея въ сердцѣ человѣка.

IV.

Не надо забывать, что Контъ писалъ свою Позитивную Философію и Позитивную Политику задолго до тѣхъ годовъ, 1856 — 1862, которые, какъ уже говорилось выше, внезапно расширили кругозоръ науки и міросозерцаніе всякаго образованнаго человѣка.

Сочиненія, появившіяся въ эти пять-шесть лѣтъ, произвели такой полный переворотъ въ возрѣніяхъ на природу, на жизнь вообще и на жизнь человѣческихъ обществъ, которому нѣтъ равнаго во всей исторіи наукъ за двѣ съ лишнимъ тысячи лѣтъ. То, что смутно понималось, а иногда—предчувствовалось энциклопедистами; то, что медленно вынашивалось нѣсколькими отборными умами въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка, явилось теперь во всеоружіи знанія; и явилось оно съ такою полнотою, что всякій другой приѣмъ изслѣдованія, кромѣ естественно-научнаго, сразу оказался несовершеннымъ, ложнымъ и—ненужнымъ. Остановимся же еще на минуту на результатахъ, добытыхъ въ эти годы, чтобы вѣрнѣе оцѣнить слѣдующую попытку синтетической философіи, сдѣланную Гербертомъ Спенсеромъ.

Грове, Клаузіусъ, Гельмгольцъ, Джоуль и цѣлая фаланга физиковъ и астрономовъ, а также Кирхгофъ, открывшій спектральный анализъ и давшій намъ возможность узнавать, изъ какихъ тѣлъ состоятъ самые отдаленныя отъ насъ звѣзды — сразу установили въ концѣ пятидесятихъ годовъ единство природы во всемъ неорганическомъ мірѣ. Говорить о какихъ то таинственныхъ, невѣсомыхъ жидкостяхъ, — теплородной, магнитной, электрической — сразу стало невозможнымъ. Оказалось, что механическія движенія частичекъ, подобныя тѣмъ, которыя мы видимъ въ набѣгающихъ волнахъ моря, или въ дрожаніи колокола и камертона, достаточны для объясненія всѣхъ явленій нагрѣванія, свѣта, электричества и магнетизма: что мы можемъ ихъ измѣрить, взвѣсить ихъ энергію. Мало того, — что въ самыхъ далекихъ отъ насъ небесныхъ тѣлахъ, гдѣ существуютъ тѣже простыя тѣла, что и на землѣ, происходятъ тѣже дрожанія и колебанія частичекъ, тѣже движенія массъ. Сами массовыя движенія небесныхъ тѣлъ, носящихся въ пространствѣ по закону всемірнаго тяготѣнія, представляютъ собою, по всей вѣроятности ничто иное, какъ результатъ этихъ свѣтовыхъ и электрическихъ дрожаній, передающихся за биліоны и трилліоны милліоновъ верстъ въ междузвѣздной міровой средѣ.

Тѣ же тепловыя и электрическія дрожанія частичекъ вещества оказались достаточными для объясненія химическихъ явленій. А сама жизнь растений и животныхъ, въ ея безконечно-разнообразныхъ проявленіяхъ, оказалась ничѣмъ инымъ, какъ обмѣномъ частичекъ въ томъ обширномъ ряду очень сложныхъ, а потому и легкоразлагающихся, легко-перестраиваемыхъ химическихъ соединеній, изъ которыхъ складываются живыя ткани во всѣхъ живыхъ существахъ.

Затѣмъ, уже въ тѣ же годы было понято, а за послѣднія десять лѣтъ было тщательно изслѣдовано, какимъ образомъ жизнь клѣточекъ нервной системы и ихъ способность передавать раздраженіе отъ одной къ другой даютъ механическое объясненіе нервной жизни животныхъ. Благодаря этимъ изслѣдованіямъ, мы можемъ теперь не выходя изъ области чисто физиологическихъ наблюдений, понять запечатлѣвающіяся въ мозгу впечатлѣнія и образы, ихъ взаимныя вліянія, ассоціацію идей (всякое впечатлѣніе вызываетъ раньше накопленныя впечатлѣнія), а слѣдовательно — и мышленіе.

Многое остается еще сдѣлать и открыть въ этой области; наука, едва освободившаяся отъ давившей ее прежде метафизики, только теперь начинаетъ разрабатывать обширную область физической психологіи; но начало сдѣлано; твердое основаніе уже положено для дальнѣйшихъ работъ. Старинное дѣленіе, которое пытался установить германскій философъ Кантъ, на

ѣ области, подлежащія одна—изслѣдованію „въ пространствѣ во времени“ (міръ физическихъ явленій), а другая— „только времени“ (міръ душевныхъ явленій), падаетъ теперь само со-
бой. И на вопросъ, который задавалъ какъ-то Сѣченовъ: „Ко-
у и какъ изучать психологію?“, наука уже дала отвѣтъ: „Фи-
злогіи, фізіологическимъ методомъ“. И дѣйствительно, новѣй-
шія работы фізіологовъ уже успѣли пролить несравненно бо-
ѣе свѣта, чѣмъ всѣ тонкія разсужденія метафизиковъ, на
механизмъ мышленія, на возбужденіе впечатлѣній, на закрѣп-
леніе и передачу ихъ,—словомъ, на всѣ психологическіе про-
цессы.

И въ этомъ, главномъ своемъ оплотѣ, метафизика была
обита. Областью, въ которой она считала себя непобѣдимой,
авладѣли естественныя науки и матеріалистическая философія,
—и онѣ двигаютъ знаніе въ этой области несравненно быст-
рѣе, чѣмъ столѣтія метафизическихъ измышленій.

Въ тѣ же годы явилось, однако, еще одно изслѣдованіе:
снига Дарвина „О происхожденіи видовъ“, затмившая всѣ
остальныя.

Еще въ прошломъ столѣтіи Бюффонъ, а на рубежѣ двухъ
столѣтій—Ламаркъ, рѣшили высказать, что виды растений и
животныхъ не представляютъ неподвижныхъ формъ; что они
измѣнчивы и постоянно измѣняются. Само семейное сходство
между группами видовъ указываетъ, говорили они, на ихъ
общее происхожденіе отъ общихъ прародителей. Такъ, напри-
мѣръ, различные виды луговыхъ, водныхъ и всѣхъ другихъ
лютиковъ, которые мы видимъ въ нашихъ лугахъ и болотахъ,
должны были произойти когда-то, вслѣдствіе вліянія внѣшнихъ
условій, отъ одного типа общихъ прародителей. Теперешнія по-
роды волковъ, собакъ, шакаловъ и лисицъ, въ былыя, отдален-
ныя времена еще не существовали; а была, вмѣсто нихъ, такая
порода звѣрей, изъ которой, съ теченіемъ времени, въ разныхъ
условіяхъ, произошли, и волки, и собаки, и шакалы, и лисицы.

Но въ восемнадцатомъ вѣкѣ такія ереси приходилось вы-
зывать съ опаской. Церковь, въ то время, была еще очень
вѣрна, и естествоиспытателю, за такія еретическія воззрѣнія,
грозила тюрьма, пытка, или сумасшедшій домъ. „Еретики“ и
выражались тогда съ осторожностью. Теперь же Дарвинъ и
Уолластъ смѣло выступили съ такою же ересью, а Дарвинъ прямо
рѣшился заявить, что и человѣкъ тоже произошелъ тѣмъ же
путемъ медленнаго фізіологическаго развитія изъ низшихъ по-
родъ обезьяно-подобныхъ животныхъ; что его „безсмертный
духъ“ и „нравственная душа“ выработались тѣмъ же путемъ,
то и умъ, и нравственныя привычки муравья или шимпанзе.

Извѣстно, какіе громы посыпались тогда на Дарвина и, въ
особенности, на его смѣлаго, умнаго и знающаго апостола Гек-

сли, который рѣзко подчеркивалъ именно тѣ выводы изъ трудовъ Дарвина, которые болѣе всего страшили духовенствъ всѣхъ религій. Борьба была жестокая, но верхъ одержали: Дарвинисты. Результатомъ было то, что на нашихъ глазахъ выросла цѣлая новая, обширнѣйшая наука, біологія—наука о жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ труды Дарвина дали новый ключъ къ пониманію всѣхъ явленій—физическихъ, жизненныхъ и общественныхъ. Они открыли новый путь для ихъ изслѣдованій. Мысль о постепенномъ развитіи (эволюціи) и о постепенномъ приспособленіи къ измѣнившимся условіямъ нашла несравненно болѣе широкое приложеніе ко всей природѣ, а также къ людямъ и ихъ общественнымъ учрежденіямъ; она открыла совершенно невѣдомые горизонты и дала возможность объяснить самыя непонятныя факты во всѣхъ областяхъ знанія.

Этимъ путемъ создавалась, не только біологія, которая, въ рукахъ Спенсера, показала намъ, какъ могли выработаться и вырабатываются безчисленныя формы живыхъ существъ, населяющихъ земной шаръ, а Геккелю позволила набросать и первую попытку родословной всѣхъ животныхъ, въ томъ числѣ и человѣка. Этимъ же путемъ удалось положить также твердое основаніе для исторіи развитія человѣческихъ обычаевъ, нравовъ, повѣрій и учрежденій, котораго не хватало восемнадцатому вѣку и Конту. Эту исторію можно теперь писать, не прибѣгая ни къ формуламъ Гегелевской метафизики, ни къ „врожденнымъ идеямъ“ и „внушеніямъ“ извнѣ, ни къ Кантовскимъ „сущностямъ“—словомъ, ни къ одной изъ мертвящихъ изученіе формулъ, за которыми, кутаясь въ слова, какъ въ облака, скрывалось все то же старинное суевѣріе и незнаніе.

Благодаря трудамъ натуралистовъ, съ одной стороны, а съ другой стороны — Мэна и его послѣдователей, которые приложили тотъ же индуктивный методъ къ изученію первобытныхъ обычаевъ и вырабатывавшихся изъ нихъ законовъ,—благодаря имъ, исторія возникновенія и развитія человѣческихъ учрежденій могла быть поставлена за послѣдніе годы на такую же твердую основу, какъ и исторія развитія любого вида растеній или животныхъ.

Конечно, было бы въ высшей степени несправедливо забывать ту громадную работу, которая была сдѣлана уже раньше—еще въ тридцатыхъ годахъ—для разработки исторіи учрежденій, школою Огюстена Тъери во Франціи, школою Маурера и Германистовъ въ Германіи, а у насъ въ Россіи школою позднѣе—Костомаровымъ, Бѣляевымъ и другими. Методъ эволюціи прилагался къ изученію нравовъ и установленій, такъ и языковъ, уже со временъ энциклопедистовъ. Но получить правильные, научные выводы изъ всей этой массы работъ, ста

возможнымъ только тогда, когда на установленные факты ученые могли взглянуть такъ, какъ естествоиспытатель глядитъ на постепенное развитіе органовъ растенія, или новаго вида.

Метафизическія формулы помогали, въ свое время, дѣлать нѣкоторыя приблизительныя обобщенія. Въ особенности онѣ будили сонную мысль, тревожа ее неясными намеками на единство и жизнь природы. Въ такое время, когда индуктивныя обобщенія энциклопедистовъ и ихъ англійскихъ предшественниковъ начали забываться (въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка), а чтобы говорить о единствѣ физической и духовной природы, требовалось нѣкоторое гражданское мужество, — туманная метафизика все-таки поддерживала стремленіе къ обобщеніямъ. Но ея обобщенія устанавливались либо діалектическимъ методомъ, либо полусознательнымъ индуктивнымъ, и потому, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, отличались отчаянною неопредѣленностью. Первыя выводились на основаніи, въ сущности, весьма немудрыхъ умозаключеній — подобно тому, какъ нѣкоторые греки доказывали въ древности, что планеты должны двигаться по кругамъ, потому что кругъ самая совершенная кривая; а затѣмъ, бѣдность обоснованія прикрывалась туманными словами, и еще болѣе — туманнымъ и неуклюжимъ изложеніемъ. Вторыя же строились на весьма ограниченномъ кругѣ наблюдений, — подобно надѣлавшимъ недавно нѣкоторый шумъ, широкимъ, но не обоснованнымъ заключеніямъ Вейсмана. Затѣмъ, вслѣдствіе того, что индукція была въ этомъ случаѣ несознательная, онѣ выдавались за неоспоримый законъ, тогда какъ на дѣлѣ онѣ были простыя предположенія — гипотезы, зачаточныя обобщенія, нуждавшіяся прежде всего въ фактической, индуктивной провѣркѣ. Наконецъ, всѣ эти широкія обобщенія, будучи высказаны въ крайне отвлеченной формѣ, — какъ, на примѣръ, Гегелевскій „тезисъ, антитезисъ и синтезисъ“, — давали мѣсто полному произволу въ конкретныхъ выводахъ, такъ что изъ нихъ можно было выводить — и выводили — бакунинскій революціонный духъ съ Дрезденскою революціей, революціонный яacobинизмъ Маркса, и „разумность существующаго“, приведшую Бѣлинскаго къ прославленію „Бородинской Годовщины“ Пушкина, не говоря уже о недавнихъ заблужденіяхъ, такъ-называемаго, русскаго марксизма.

V.

Съ тѣхъ поръ, какъ антропологию, — то-есть исторію филологическаго развитія человѣка и исторію развитія его религій и экономическихъ учрежденій — начали изучать точно также, какъ изучаются всѣ остальные естественныя науки, оказалось возможнымъ, не только пролить новый яркій свѣтъ на эту

исторію, но и отрѣшиться навсегда отъ метафизики, которая точно также мѣшала этому изученію, какъ библейскія преданія мѣшали сто лѣтъ тому назадъ изученію исторіи земнаго шара—геологii.

Казалось бы, поэтому, что, когда за построение синтетической философіи снова взялся Гербертъ Спенсеръ, вооруженный новѣйшими завоеваніями науки, онъ могъ бы построить свою философію, не впадая въ ошибки, въ которыя впалъ Контъ въ своей „Позитивной Политикѣ“. А между тѣмъ синтетическая философія Спенсера, хотя и представляетъ громадный шагъ впередъ—въ ней уже нѣтъ мѣста религіи и обряду,—тѣмъ не менѣе она также полна крупныхъ ошибокъ въ своей соціологической части, какъ и первая.

Дѣло въ томъ, что дойдя до психологii обществъ, Спенсеръ не выдержалъ своего строго-научнаго метода и не рѣшился признать всѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ его приводилъ. Такъ, напримѣръ, Спенсеръ признаетъ, что земля не должна становиться собственностью отдѣльныхъ лицъ, которыя, пользуясь своимъ правомъ повышать арендную плату, мѣшаютъ другимъ извлекать изъ нея все, что можно извлечь при усовершенствованной обработкѣ, или даже просто держатъ ее втунѣ, въ ожиданіи, что ея рыночная цѣна будетъ повышена трудомъ другихъ. Такой порядокъ, находить онъ, не выгоденъ для общества и полонъ для него опасностей. Но, признавая это относительно земли, онъ не рѣшился, однако, распространить то же заключеніе на всѣ прочія накопленныя богатства—на рудники, гавани и фабрики.

Или же, возставая противъ вмѣшательства государства въ жизнь общества и давая одной изъ своихъ книгъ заглавіе равносильное революціонной программѣ: „Личность противъ Государства“, онъ мало-по-малу, подъ предлогомъ охранительной дѣятельности государства, кончилъ тѣмъ, что возстановилъ государство въ цѣлости, какъ оно есть теперь, слегка ограничивая его.

Объясняются эти и другія противорѣчія, вѣроятно, тѣмъ, что соціологическая часть философіи сложилась въ умѣ Спенсера (подъ вліяніемъ англійскихъ радикаловъ) гораздо раньше, чѣмъ ея естественно-научная часть, а именно до 1851 г., когда антропологическое изслѣдованіе человѣческихъ учрежденій еще было только въ зачаткѣ. Вслѣдствіе этого, Спенсеръ, какъ и Контъ не взялся за изслѣдованіе этихъ учрежденій самихъ по себѣ, безъ заранѣе построенныхъ заключеній. Мало того: какъ только онъ подошелъ къ философіи общественной—къ соціологii—онъ сталъ пользоваться новымъ пріемомъ, самымъ ненадежнымъ—пріемомъ сходствъ (методомъ аналогій), который, конечно, не былъ ему нуженъ при изученіи физическихъ явле-

ній. Этотъ методъ позволилъ ему оправдать цѣлый рядъ предвзятыхъ заключеній. Синтетической философіи, построенной, какъ въ своей естественно-научной, такъ и въ общественной части по тому же научному методу, — до сихъ поръ, стало-быть, еще не имѣется.

Затѣмъ, Спенсеръ—самый неподходящій человѣкъ для изученія первобытныхъ учреждений. Въ этомъ отношеніи онъ выдается даже среди британцевъ, которымъ вообще мало понятенъ чужой строй жизни. — „Мы—люди римскаго права, а ирландцы—люди обычнаго права: оттого мы и не понимаемъ другъ друга“, замѣтилъ мнѣ однажды очень умный и знающій англичанинъ. Такимъ непониманіемъ полна исторія отношеній англичанъ къ покоряемымъ и „низшимъ расамъ“. И оно, на каждомъ шагу, проглядываетъ у Спенсера. Онъ совершенно неспособенъ понять дикаря, или „крово-мстителя“ исландской саги, или бурную, полную борьбы жизнь средневѣковыхъ городовъ. Ихъ правовыя понятія ему совершенно чужды; и онъ видитъ въ нихъ одну „дикость“, одно „варварство“, одну жестокость.

Наконецъ,—что еще важнѣе,—подобно Гексли и многимъ другимъ, онъ совершенно неправильно понялъ смыслъ „борьбы за существованіе“. Онъ увидѣлъ въ ней, не только борьбу между разными видами животныхъ (волки поѣдаютъ зайцевъ, многія птицы кормятся насѣкомыми и такъ далѣе), но и отчаянную борьбу изъ-за пищи, изъ-за мѣста на землѣ, внутри каждаго зида, между различными его особями—борьбу, которая не существуетъ на дѣлѣ въ воображаемыхъ имъ размѣрахъ.

Насколько самъ Дарвинъ виноватъ въ такомъ пониманіи борьбы за существованіе, не мѣсто разбирать здѣсь. Но несомнѣнно то, что когда Дарвинъ издалъ,—двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ „Происхожденія Видовъ“,—свое „Происхожденіе Человѣка“, онъ уже совсѣмъ иначе понималъ борьбу за жизнь. „Тѣ животныя виды, писалъ онъ въ этомъ послѣднемъ сочиненіи, среди которыхъ наиболѣе развиты чувства взаимной симпатіи и общности, имѣютъ наибольшіе шансы сохранить свое существованіе, и оставить по себѣ многочисленное потомство“. Глава, посвященная Дарвиномъ этому предмету, могла бы стать основаніемъ совершенно иного и чрезвычайно плодотворнаго взгляда на природу и на развитіе человѣческихъ обществъ, значеніе котораго провидѣлъ уже Гете. Но она прошла незамѣченной. Только въ 1879 году находимъ мы въ одной рѣчи русскаго зоолога Кесслера ясное пониманіе взаимной помощи и борьбы за жизнь. — „Для прогрессивнаго развитія вида, указалъ онъ, ссылаясь на нѣсколько примѣровъ,—законъ взаимной помощи имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ законъ взаимной борьбы“. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Бюхнеръ выступилъ со своею

книгою „Любовь“, въ которой показалъ значеніе симпатіи среди животныхъ для развитія нравственныхъ понятій; но при этомъ введя любовь, симпатію, онъ напрасно ограничилъ самъ свой кругъ изслѣдованія. Доказать и развить замѣчательное положеніе Кесслера, распространивъ его на человѣка, оказалось нетрудно, если обратиться къ точнымъ наблюденіямъ природы и къ нынѣ-развивающейся исторіи учрежденій. Взаимная помощь дѣйствительно является не только самымъ могучимъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе противъ враждебныхъ виду силъ природы и другихъ враговъ, но и орудіемъ прогрессивнаго развитія. Самымъ слабымъ животнымъ она обезпечиваетъ долготѣіе (а слѣдовательно, и накопленіе умственнаго опыта), размноженіе и умственный прогрессъ. И тѣ животные виды, которые наиболѣе практикуютъ взаимную помощь, не только лучше выживаютъ, но и стоятъ во главѣ своего класса (насъкомыхъ, птицъ, млекопитающихъ) по совершенству физическаго и умственнаго развитія.

Этого основного факта природы, Спенсеръ не замѣтилъ. Борьбу за существованіе внутри каждаго вида, отбиваніе другъ у друга всякаго куска пищи „когтемъ и зубомъ“, — Теннисоновскую „природу, обгавленную кровью гладіаторовъ“, — онъ призналъ фактомъ, не требующимъ доказательствъ, — аксіомою. Только въ самые послѣдніе годы сталъ онъ понимать до нѣкоторой степени значеніе взаимной помощи въ животномъ мірѣ и сталъ собирать наблюденія и опыты въ этомъ направленіи. Но даже и теперь первобытный человѣкъ остался для него воображаемымъ звѣремъ, который только тѣмъ и жилъ, что рвалъ когтемъ и зубомъ послѣдній кусокъ мяса изо рта своего сородича.

Понятно, что положивши въ основаніе соціологической части своей философіи такую ложную посылку, Спенсеръ уже не могъ создать общественную часть синтетической философіи, не впадши въ рядъ заблужденій.

VI.

Въ этихъ заблужденіяхъ, Спенсеръ не стоитъ, впрочемъ, особнякомъ. Взглядъ на первобытныхъ людей, какъ на кучу живущихъ врозь звѣрей, дерущихся изъ-за пищи и женъ, до тѣхъ поръ, пока среди нихъ не явилось благодѣтельное начальство, — проходитъ, съ легкой руки Гоббса, черезъ всю философію девятнадцатаго вѣка. Даже такой естествоиспытатель, какъ Гексли развивалъ все то же утвержденіе Гоббса, что вначалѣ люди жили, борясь „каждый противъ всѣхъ“, пока, наконецъ, — благодаря нѣсколькимъ передовымъ людямъ своего времени — не создалось „первое общество“ (см. его статью: „Борьба за существованіе — законъ природы“). Даже Гексли,

слѣдовательно, не замѣчалъ, что не человѣкъ создалъ общество, а что общественная жизнь существовала у животныхъ гораздо раньше появленія человѣка. Такова сила укоренившагося предразсудка.

Если же прослѣдить исторію этого предразсудка, то не трудно убѣдиться, что происхожденіе его—церковно-религіозное. Тайные союзы колдуновъ и шамановъ среди первобытныхъ людей, а впослѣдствіи—египетскіе жрецы и христіанскіе священники, всегда увѣряли людей, что они „во злѣ лежатъ“, и что только заступничество шамана, жреца, священника не даетъ злой силѣ овладѣть человѣкомъ, или можетъ умолить мстительнаго бога, чтобы онъ не насылалъ на человѣчество своихъ каръ за грѣхи. Первобытное христіанство слабо пыталось подорвать этотъ предразсудокъ; но христіанская церковь, ссылаясь на слова самихъ же евангелій о „гееннѣ огненной“ и „гнѣвъ божіемъ“, еще болѣе усилила его. Само понятіе о богѣ-сынѣ, пришедшемъ умереть „во искупленіе грѣховъ“ служило основою этому взгляду. Не даромъ, впослѣдствіи Святая Инквизиція предавала людей самымъ жестокимъ пыткамъ и медленно жгла ихъ на кострахъ, чтобы дать имъ случай раскаяться и спасти себя отъ вѣчныхъ мукъ. И не одна католическая церковь, но и всѣ другія христіанскія церкви соперничали въ изобрѣтеніи всякихъ мукъ, чтобы исправить „погрязшихъ во злѣ людей“. До сихъ поръ еще девятьсотъ-девяносто-девятъизъ тысячи людей вѣрятъ, что естественныя невзгоды — засухи, ливни, землетрясенія и повальные болѣзни—насылаются божествомъ, чтобы обратить грѣшный родъ людской на правый путь. Въ этой вѣрѣ по сію пору растетъ громадное большинство нашихъ дѣтей.

Рядомъ съ этимъ государство въ своихъ школахъ и университетахъ поддерживаеъ ту же вѣру въ коренную испорченность человѣка. Доказать необходимость какой-то силы, стоящей превыше общества и развивающей въ немъ нравственное начало,—при помощи наказаній, налагаемыхъ за нарушеніе „нравственнаго закона“ (съ которымъ отождествляютъ, при помощи ловкой передержки, писанный законъ), утвердить людей въ этой вѣрѣ—вопросъ жизни для государства. Если люди усумнятся въ необходимости такого насажденія нравственности, они усомнятся и въ верховной миссіи своихъ правителей.

Такимъ образомъ все—и религіозное, и историческое, и правовое, и общественное наше воспитаніе пропитаны мыслью, что человѣкъ, предоставленный самому себѣ, сталъ бы звѣремъ; не будь надъ ними власти, люди загрызли бы другъ-друга; кромѣ звѣрства и войны каждаго противъ всѣхъ, ничего нельзя ждать отъ „толпы“. Она пропала бы, если бы надъ нею не стояли избранники, соль земли—урядникъ, исправникъ, па-

лачь, — которые мѣшаютъ этой всеобщей свалкѣ всѣхъ со всѣми, воспитываютъ людей, въ уваженіи святости закона, учатъ ихъ дисциплинѣ, и ведутъ ихъ мудрою рукою къ тому времени, когда лучшія понятія совьютъ себѣ гнѣздо въ „глубыхъ сердцахъ людей“, и сдѣлаютъ кнутъ, тюрьму и висѣлицу менѣе нужными, чѣмъ теперь.

Мы смѣемся надъ какимъ-то королемъ, который, уѣзжая въ изгнаніе въ 1848 году, говорилъ: „Бѣдные мои подданные, пропадутъ они безъ меня“. Мы потѣшаемся надъ англійскимъ приказчикомъ, который вѣрить, что англичане — затерявшееся колѣно Израилево, самимъ Богомъ предназначенное для того, чтобы дать хорошее правительство „всѣмъ другимъ, низшимъ расамъ“. Но не того же ли мнѣнія о своемъ высококомъ назначеніи держится громаднѣйшее большинство кое-чему учившихся людей среди всѣхъ націй?

* * *

А между тѣмъ, научное изученіе развитія человѣческихъ обществъ и учреждений приводитъ къ совершенно другому выводу. Оно показываетъ, что обычаи, установившіеся для взаимной поддержки и защиты и для охраны мира, — обычаи, которые и дали возможность человѣчеству выжить въ борьбѣ за существованіе среди очень тяжелыхъ природныхъ условій — вырабатывались именно безыменною „толпою“. Оно убѣждаетъ насъ, что такъ-называемые руководители человѣчества ничего не внесли въ исторію, что не было бы раньше выработано обычнымъ правомъ; и что они всегда стремились къ одному — либо разрушить эти правовыя учрежденія, либо поработить ихъ себѣ на пользу.

Уже въ самой глубокой древности, которая теряется во мракѣ ледниковаго періода, люди жили обществами. И въ этихъ обществахъ выработана была цѣлая сѣть обычаевъ и свято-уважавшихся учреждений родового строя, которыя и дѣлали общественную жизнь возможною. Черезъ всѣ послѣдующія ступени развитія, проходитъ именно эта творческая сила невѣдомой толпы, которая вырабатывала новыя формы жизни и новыя формы для взаимной поддержки и охраненія мира, по мѣрѣ того, какъ возникали новыя условія.

Съ другой стороны, современная наука доказала до очевидности, что законъ — возвѣщался ли онъ, какъ голосъ божества, или же шелъ отъ премудрости законодателя, — ничего иного никогда не дѣлалъ, какъ только заковывалъ существовавшіе уже полезные обычаи въ неизмѣнную, закристаллизованную форму. Но, дѣлая это, онъ тутъ же примѣшивалъ къ полезнымъ и общепризнаннымъ обычаямъ нѣсколько новыхъ правилъ, — въ интересѣ богатыхъ, драчливыхъ и вооруженныхъ

людей;— „не будь лжесвидѣтелемъ“—и тутъ же прибавлялъ къ этимъ прекраснымъ наставленіямъ: „не пожелай жены ближняго твоего, ни раба его, ни осла его“—и этимъ самымъ на-вѣки узаконялъ рабство, а женщину приравнивалъ къ рабу и вьючному животному.

„Люби ближняго твоего“, говорило позднѣе христіанство, но тутъ же прибавляло устами апостола Павла: „рабы да повинуются господамъ своимъ“ и „нѣтъ власти еще не отъ Бога“, узаконяя тѣмъ самымъ дѣленіе общества на рабовъ и господъ и освящая власть негодяевъ, царившихъ въ Римѣ.

То же мы видимъ въ законахъ такъ-называемыхъ „варваровъ“, то-есть Галловъ, Лонгобардовъ, Аллемановъ, Саксовъ, освободившихся отъ римскаго ига („Русская Правда“ Ярослава принадлежитъ къ тому же кругу законовъ). Они узаконяли безспорно прекрасный обычай, утверждавшійся въ то время: обычай платить виру за членовредительство и убійство вмѣсто того, чтобъ практиковать законъ возмездія (око за око, зубъ за зубъ, рана за рану, смерть за смерть). Но тутъ же они узаконяли и увѣковѣчивали едва-намѣчавшееся тогда раздѣленіе вольныхъ людей на классы. Такая-то вира, говорили они, за раба, такая-то за вольнаго человѣка, такая-то за дружинника, и такая-то (равносильная вѣчному рабству) за князя. Первоначальная мысль была, конечно, та, что семья князя, терявшая больше, лишаясь своего главы, чѣмъ семья обыкновеннаго вольнаго человѣка, должна получить большее вознагражденіе. Но законъ, изложивши обычай, узаконялъ на вѣки-вѣчное дѣленіе людей на классы, и узаконялъ его такъ, что до сихъ поръ, тысячу лѣтъ спустя, мы еще отъ него не отдѣлались.

И такъ оно шло, черезъ все законодательство всѣхъ вѣковъ, причемъ насиліе предыдущей эпохи переходило, черезъ законъ, въ новое общество, создававшееся на развалинахъ стараго: насиліе Персидскаго царства переходило въ Грецію, насиліе Македонскаго царства—въ Римъ; насиліе и жестокость Римской имперіи—въ средневѣковую, только-что возникавшія средне-европейскія государства.

Всѣ общественныя гарантіи, вся внутренняя жизнь рода, общины и раннихъ средне-вѣковыхъ народовъ (республикъ-городовъ); всѣ формы международныхъ, а вполнѣдствіи между-городскихъ отношеній, изъ которыхъ позже выработалось международное право; всѣ формы взаимной поддержки и внутренней охраны мира—включая и судъ—были выработаны народнымъ безымяннымъ творчествомъ. Тогда какъ всѣ законы, писавшіеся во всѣ вѣка, вплоть до нашего времени, слагались изъ тѣхъ же двухъ элементовъ: одинъ закрѣплялъ (и заковывалъ) формы жизни, всѣми признанныя полезными; другой же

быль приставка—иногда даже только формулировка хитраго свойства имѣвшая цѣлью насадить и укрѣпить нарождавшуюся власть боярина, воина, князя и священника—усилить и освятить ее.

Къ этому, по крайней мѣрѣ, приводитъ научное изученіе развитія человѣческихъ обществъ, надъ которымъ работало за послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ не мало добросовѣстныхъ ученыхъ. Правда, сами они не рѣшались высказывать въ опредѣленной формѣ такія еретическія заключенія, какъ выше приведенное. Но къ нему неизбѣжно приходитъ вдумчивый читатель, знакомясь съ ихъ работами.

VII.

Какое же положеніе занимаетъ анархизмъ въ великомъ умственномъ движеніи девятнадцатаго вѣка?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти уже намѣчается всѣмъ вышесказаннымъ. Анархизмъ представляетъ собою міросозерцаніе, основанное на современномъ механическомъ пониманіи явленій *) и охватывающее всю природу, включая въ нее жизнь человѣческихъ обществъ и ихъ экономическія, политическія и нравственныя задачи. Его методъ изслѣдованія—методъ точныхъ естественныхъ наукъ: имъ должно быть провѣрено всякое научное заключеніе. Его стремленіе—создать синтетическую философію, охватывающую всѣ явленія природы—слѣдовательно, и жизнь обществъ—не впадая, однако, въ ошибки, въ которыя впади Контъ и Спенсеръ, по вышеуказаннымъ причинамъ.

Естественно поэтому, что по большинству вопросовъ жизни, анархизмъ даетъ иные отвѣты и занимаетъ иное положеніе, чѣмъ всѣ политическія, а также отчасти и социалистическія партіи, которыя еще не разстались съ прежними метафизическими фикціями.

Конечно, выработка полнаго механическаго міросозерцанія едва только начата въ его социалистической части, касающейся жизни и развитія обществъ; но то небольшое, что уже сдѣлано, несомнѣнно носить на себѣ иногда, впрочемъ еще не вполне сознательно, указанный характеръ. Въ области философіи права, въ теоріи нравственности, въ политической экономіи, въ исторіи народовъ и въ исторіи общественныхъ учреждений, анархизмъ показалъ, что онъ не будетъ довольствоваться метафизическими заключеніями, а будетъ искать естественно-научной основы. Онъ отказывается отъ метафизики Гегеля, Шеллинга и Канта, отъ комментаторовъ Римскаго и Католическаго права, отъ тео-

*) Вѣрнѣе было бы сказать—кинетическомъ, но это слово менѣе общеизвѣстно.

ретиковъ Государственнаго права, отъ метафизической политической экономіи, и старается отдать себѣ ясный отчетъ обо всѣхъ вопросахъ, поднятыхъ въ этихъ областяхъ знанія, на основаніи тѣхъ многочисленныхъ работъ, которыя были сдѣланы за послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ, съ точки зрѣнія естествоиспытателя.

Подобно тому, какъ метафизическія представленія о Всемирномъ Духѣ, о Творческой силѣ Природы, о Любовномъ Притяженіи Вещества, о Воплощеніи Идеи, о Цѣли Природы, о Непознаваемомъ, о Человѣчествѣ, понятомъ въ смыслѣ одухотвореннаго Бытія, и такъ далѣе—отвергаются нынѣ материалистическою философіею, а зачаточныя обобщенія, переводятся на вещественный (конкретный) языкъ фактовъ,—такъ точно поступаемъ и мы, когда подходимъ къ фактамъ общественной жизни.

Когда метафизики естествознанія стараются увѣрить естествовика, что духовная жизнь человѣка развивается по какимъ-то „имманентнымъ законамъ Духа“, онъ пожимаетъ плечами и продолжаетъ свое фізіологическое изученіе жизненныхъ, умственныхъ и чувственныхъ явленій, съ цѣлью показать, что всѣ они сводятся на химическіе и физическіе процессы. Онъ старается открыть ихъ естественно-научные законы. Точно также, когда анархистамъ говорятъ, на примѣръ, что всякое развитіе состоитъ изъ Тезиса, Антитезиса и Синтезиса, или что „Право имѣетъ цѣлью водвореніе Справедливости, которая представляетъ овеществленіе Верховной Идеи“, или, когда ихъ спрашиваютъ, какая же по ихнему, „Цѣль Жизни“—они тоже только пожимаютъ плечами и дивятся, какъ это могли, среди теперешняго расцвѣта точныхъ наукъ, сохраниться люди, продолжающіе вѣрить въ подобные „словеса“ и все еще выражающіеся на языкѣ первобытнаго антропоморфизма (представленія природы въ видѣ чего-то управляемаго человѣко-подобнымъ существомъ). Громкія слова ихъ не устрашаютъ, потому что они знаютъ, что такими словами просто прикрывается либо незнаніе—незаконченное изслѣдованіе,—либо, что еще хуже, простое суевѣріе. Поэтому, они проходятъ мимо и продолжаютъ свое изученіе современныхъ и прошлыхъ общественныхъ понятій и учреждений. Причемъ они, конечно, находятъ, что развитіе общественной жизни несравненно сложнѣе и несравненно интереснѣе для практическихъ цѣлей—чѣмъ оно выходитъ изъ подобныхъ формулъ.

Мы много слышали, за послѣднее время, о „діалектическомъ методѣ“, который рекмендовался для обоснованія социалистическаго идеала. Мы такого метода не признаемъ, какъ его не признаетъ и все современное естествознаніе. Современному естествоиспытателю „діалектической методъ“ напоминаетъ о чемъ-то

давно прошедшемъ, давно пережитомъ наукою. Открытія девятнадцатаго вѣка въ механикѣ, физикѣ, химіи, біологіи, физической психологіи, антропологіи и такъ далѣе, были сдѣланы не діалектическимъ методомъ, а методомъ естественно-научнымъ, — индуктивно-дедуктивнымъ. А такъ какъ человѣкъ — часть природы, и такъ какъ его „духовная“ жизнь, какъ личная, такъ и общественная—такое же явленіе природы, какъ и ростъ цвѣтка, или умственное развитіе муравья и его общественной жизни, то нѣтъ причины мѣнять методъ изслѣдованія, когда мы переходимъ отъ цвѣтка къ человѣку, или отъ поселенія бобровъ къ человѣческому городу.

Естественно-научный методъ доказалъ свою силу тѣмъ, что девятнадцатый вѣкъ, приложившій его, двинулъ науку болѣе, чѣмъ два предыдущія тысячелѣтія. И когда его стали прилагать къ изученію человѣческихъ обществъ, то нигдѣ еще не нашли такой точки, гдѣ бы пришлось его отбросить и вернуться къ средневѣковой схоластикѣ, которая только тормозила науку. Мало того, когда, напримѣръ, буржуазные естествоиспытатели, основываясь яко бы на „дарвинизмѣ“, стали проповѣдывать: „дави всѣхъ кто слабѣ тебя: таковъ законъ природы“, то намъ легко было доказать, что никакого такого закона не существуетъ; что жизнь животныхъ учить насъ совершенно другому и что подобное заключеніе—просто-напросто ненаучно, какъ, напримѣръ, утвержденіе, гласящее, что неравенство имуществъ—законъ природы, или, что капитализмъ — самая выгодная для людей форма общежитія. Именно естественно-научный методъ и даетъ возможность доказать что „законы“ буржуазныхъ общественныхъ наукъ, въ томъ числѣ и политической экономіи, вовсе не законы, а простыя догадки, или голословныя утвержденія, ничѣмъ не провѣренныя.

Еще одно, всякое изслѣдованіе тогда только бываетъ плодотворно, когда оно имѣетъ опредѣленную цѣль: когда оно предпринято, чтобы получить отвѣтъ на опредѣленный, точно поставленный вопросъ. И оно бываетъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ яснѣе и прямѣе связь между даннымъ, изучаемымъ вопросомъ и его положеніемъ въ схемѣ общаго, широкаго міросозерцанія. Вопросъ, который ставитъ себѣ анархизмъ, можетъ быть выраженъ такъ: „Какія формы общежитія обезпечиваютъ въ данномъ обществѣ, а затѣмъ и въ человѣчествѣ вообще, наибольшую сумму счастья, а слѣдовательно и жизненности?“ — „Какія формы общежитія позволяютъ этой суммѣ счастья расти и развиваться, какъ количественно, такъ и качественно, — т-е., становится полнѣе и болѣе разнообразнымъ?“ (Изъ чего, замѣчу мимоходомъ, получается и опредѣленіе прогресса). Желаніе способствовать движенію въ этомъ направленіи и опре-

дѣляетъ, какъ научную, такъ и общественную дѣятельность анархиста.

VIII.

Начался анархизмъ, какъ уже было сказано въ началѣ этого очерка, изъ указаній практической жизни.

Годвинъ, современникъ Великой Французской Революціи 1789—1793 г.г., самъ видѣлъ, какъ государственная власть, созданная во время переворота, стала тормазомъ для задержки революціоннаго движенія. И онъ зналъ также, что творилось тогда въ Англіи подъ покровомъ Парламента (разграбленіе общинныхъ земель, захватъ фабричными прикащиками бѣдныхъ дѣтей изъ рабочихъ домовъ и отправленіе ихъ на убой на ткацкія фабрики и такъ далѣе). И онъ понялъ, что не правительство единой и нераздѣльной якобинской республики совершить нужный переворотъ; что даже революціонное правительство, охраняя государство, становится помѣхою освобожденію, что для успѣха революціи люди должны, прежде всего, разстаться съ своею вѣрою въ право, власть, единообразіе, порядокъ, собственность и прочіе предрассудки, унаслѣдованные нами отъ нашего холопскаго прошлаго.

Слѣдующій за Годвиномъ теоретикъ анархизма Прудонъ, самъ пережилъ Революцію 1848 года и во-очію убѣдился въ безобразіяхъ, надѣланныхъ революціоннымъ республиканскимъ правительствомъ, а также въ безсиліи государственнаго социализма Луи-Блана. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго, онъ и написалъ свое замѣчательное сочиненіе „Общее понятіе о социальной революціи“, гдѣ также выступилъ за уничтоженіе Государства и провозгласилъ Анархію.

И, наконецъ, въ международномъ союзѣ рабочихъ (Интернаціалѣ), понятіе объ анархіи выдвинулось также послѣ революціи, то-есть послѣ Парижской коммуны 1871 года. Полнѣйшее революціонное безсиліе избраннаго совѣта коммуны, въ который вошли, однако, въ надлежащей пропорціи, представители всѣхъ революціонныхъ фракцій того времени (якобинцевъ, бланкистовъ и членовъ Интернацінала), а также безсиліе Лондонскаго генеральнаго совѣта Интернацінала, и его положительно-вздорное и вредное желаніе управлять парижскимъ возстаніемъ открыли глаза многимъ. Они заставили многихъ членовъ Интернацінала, въ томъ числѣ и Бакунина, задуматься надъ вредомъ правительства вообще, — даже такого, какое было свободно избрано въ Коммунѣ и въ Международномъ союзѣ рабочихъ. Рѣшеніе же Лондонскаго Генеральнаго совѣта, на тайной конференціи 1871 года, — поворотить все рабочее движеніе въ другую сторону и обратить его, изъ эконо-

мически-революціоннаго движенія (прямая борьба рабочихъ союзовъ противъ капитализма) въ избирательно-парламентарное, — это рѣшеніе привело къ открытому бунту Италіанскаго, Испанскаго, Юрскаго и отчасти Бельгійскаго рабочихъ союзовъ (федерацій) противъ Лондонскаго Генеральнаго совѣта.

Начиналось, слѣдовательно, всякій разъ анархическое движеніе вслѣдствіе практическихъ уроковъ, или практическихъ указаній. Но немедленно, вслѣдъ затѣмъ анархизмъ искалъ и свое теоретическое, научное обоснованіе.

* * *

Никакая борьба не можетъ быть успѣшна, если она будетъ безсознательна и не отдастъ себѣ яснаго вещественнаго (конкретнаго) отчета въ своей цѣли. Никакое разрушеніе существующаго невозможно, если уже во время самаго разрушенія, или борьбы за разрушеніе, не будетъ обрисовываться въ умахъ то, что должно стать на мѣсто разрушаемаго. Даже книжная критика существующаго невозможна безъ того, чтобы у критикующаго не обрисовывался, болѣе или менѣе, ясно образъ того, что онъ жаль бы на мѣсто существующаго. Сознательно, или безсознательно, идеаль чего то лучшаго рисуется въ умѣ всякаго критика общественныхъ учреждений.

Тѣмъ болѣе бываетъ оно такъ у человѣка дѣйствія. Говорить людямъ: „Сперва давайте разрушимъ самодержавіе или капитализмъ, а потомъ уже разберемъ, что поставить на ихъ мѣсто“, — значить просто обманывать себя и другихъ, обманомъ же силы нельзя создать. Тотъ самый, кто такъ говоритъ, непременно имѣетъ то или другое представленіе о томъ, что станетъ на мѣсто разрушаемаго. Работая для разрушенія, хотя бы того же самодержавія, одинъ непременно думаетъ объ англійской или нѣмецкой конституціи, другой — объ республикѣ, либо подчиненно сильной диктатурѣ своего кружка, либо построенной на манеръ французской республики-имперіи, либо приближающейся къ американскому или швейцарскому федерализму, третій, наконецъ, стремится къ еще большому ограниченію государственной власти, еще большей свободѣ городовъ, общинъ, рабочихъ союзовъ и всякихъ другихъ группъ, соединенныхъ между собою союзными договорами.

У каждой партіи вырабатывается, такимъ образомъ, свой идеаль будущаго, который и служитъ для оцѣнки, какъ всѣхъ явленій политической и экономической жизни вообще, такъ и способовъ дѣйствія. Вырабатывался идеаль и у анархизма, и этимъ идеаломъ анархизмъ обособлялся, какъ по своимъ цѣлямъ, такъ и по способамъ дѣйствія, отъ всѣхъ другихъ политическихъ партій, а также, до нѣкоторой степени, и отъ социалистическихъ партій, сохранившихъ прежніе римскіе и церковные идеалы государственнаго строя.

IX.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ изложеніе анархизма. Предлагаемый очеркъ имѣетъ свою опредѣленную цѣль, а изложеніе основныхъ положеній анархизма читатель найдетъ въ рядѣ другихъ работъ, но два-три примѣра помогутъ намъ лучше опредѣлить положеніе нашихъ позрѣній въ современной наукѣ и въ современномъ общественномъ движеніи.

Когда, на примѣръ, намъ говорятъ о Правѣ, съ прописною буквою, и утверждаютъ, что „Право есть объективированіе Правды“, или, что „законы развитія Права суть законы развитія человѣческаго Духа“, или, что „Право и Нравственность тождественны, и только формально различны“, мы относимся къ этимъ утвержденіямъ также неуважительно, какъ Мефистофель въ Гетевскомъ „Фаустѣ“. Мы знаемъ, что высказавшіе подобныя изрѣченія потратили много мышленія намъ этими вопросами. Но шли они ложнымъ путемъ; а потому въ этихъ изреченіяхъ — мы видимъ простыя попытки безсознательныхъ обобщеній, построенныхъ на недостаточномъ основаніи и затемненныхъ, вдобавокъ, „страшными словами“. Въ былыя времена, Праву старались дать божеское основаніе; впоследствии стали подыскивать метафизическую основу; теперь же изучаютъ его антропологическое происхожденіе. И, вслѣдъ за антропологическою школою, мы принимаемся за изученіе общественныхъ обычаевъ, начиная съ первобытныхъ дикарей и съ писанныхъ законодательствъ различныхъ временъ.

Тогда мы приходимъ къ заключенію, уже выраженному на одной изъ предыдущихъ страницъ:—Всѣ законы, говоримъ мы, имѣютъ двоякое происхожденіе, и тѣмъ, именно, и отличаются отъ простаго утвержденія, путемъ обычая общепризнанныхъ въ данномъ обществѣ правилъ нравственности. Подтверждая и закристалizовывая эти обычаи, законы пользуются этимъ, чтобы закрѣпить, большею частью, въ прикрытой формѣ, зарождающееся рабство, дѣленіе на классы, власть жрецовъ или воиновъ, крѣпостное право (какъ случилось въ Россіи въ концѣ шестнадцатаго вѣка) и всякія другія учрежденія въ интересахъ вооруженнаго и правящаго меньшинства. Этимъ путемъ на человѣчество накладывалось незамѣтнымъ образомъ ярмо, отъ котораго ему впоследствии удавалось освободиться только путемъ революціи. И такъ идетъ оно во всѣ времена, вплоть до настоящей минуты. Оно повторяется даже въ современномъ рабочемъ законодательствѣ, которое рядомъ съ „покровительствомъ труду“, незамѣтно вводитъ идею обязательнаго государственнаго посредничества въ стачкахъ *), обязательнаго восьми-часоваго дня для рабочаго (не менѣе), воен-

*) Обязательное—посредничество. *

ную эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ въ случаѣ стачки, закрѣпленіе безземелія крестьянъ въ Ирландіи и такъ далѣе. И такъ оно будетъ продолжаться, покуда часть общества будетъ писать законы для всего общества, и тѣмъ усиливать государственную власть, составляющую главный оплотъ капитализма.

Понятно, поэтому, отчего анархизмъ, начиная съ Годвина — хотя и стремится къ Справедливости (которая равносильна равенству) болѣе всякаго законодателя, — отрицаетъ, однако, всѣ писанные законы.

Когда же намъ говорятъ, что, отрицая законъ, мы отрицаемъ всякую нравственность, — потому что тѣмъ самымъ мы не признаемъ „безусловнаго нравственнаго велѣнія“, о которомъ писалъ Кантъ, — мы говоримъ, что самъ языкъ этого возраженія намъ непонятенъ и чуждъ *). Такъ же чуждъ и непонятенъ, какъ онъ чуждъ всякому естествоиспытателю, занимающемуся изученіемъ явленій нравственности. Въ отвѣтъ на подобныя слова, мы спрашиваемъ: „что собственно, хотите вы сказать? Не можете ли вы перевести ваши изрѣченія на понятный языкъ, — вотъ какъ Лапласъ переводилъ формулы высшей математики на языкъ всѣмъ доступный и какъ выражались и выражаются всѣ великіе ученые?“

Въ самомъ дѣлѣ, что, собственно, хочеть сказать чело-вѣкъ, ссылающійся на всеобщій законъ, или на Кантовское „безусловное велѣніе“? — Что во всѣхъ людяхъ есть понятіе о томъ, что не слѣдуетъ дѣлать другому того, чего не хочешь, чтобы съ тобою продѣлали — что лучше даже на зло отвѣтить добромъ? — Если такъ, то давайте изучать (какъ это дѣлалъ уже Адамъ Смитъ, а раньше его Хэтчинсонъ), откуда въ людяхъ зародились и какъ развились эти нравственныя понятія. Распространимъ наше изученіе и на до-человѣческія времена (чего не могли сдѣлать Смитъ и Хэтчинсонъ). Разберемъ затѣмъ, насколько на понятіе о справедливости вліяеть чувство равенства. Вопросъ важный, потому что только люди, считающіе другого равнымъ себѣ, могутъ признать правило: „не дѣлай другому того, чего не хочешь себѣ“, помѣщикъ же, не считавшій „холопа“, а рабовладѣлецъ — негра равными себѣ, не признавали „категорическаго императива“ и „всеобщаго закона“ обязательными по отношенію къ холопу или негру. Если же это наше замѣчаніе вѣрно, то посмотримъ, — можно-ли насаждать нравственность, насаждая идеи неравенства?

Разберемъ, наконецъ, какъ это сдѣлалъ Маркъ Гюйо, факты самопожертвованія. А потомъ рассмотримъ, — что способствовало въ исторіи развитію нравственныхъ чувствъ въ чело-вѣкѣ — хотя бы только тѣхъ, которыя связаны съ поня-

*) Я беру здѣсь примѣръ не измышленный, а заимствованный изъ переписки, которую велъ недавно съ однимъ нѣмецкимъ докторомъ пра-вѣ.

тиемъ о равенствѣ—и выведемъ изъ этого изученія, какія условія могутъ помочь въ будущемъ усиленію и развитію этихъ чувствъ? — Помогаютъ ли ему религія, неравенство людей, раздѣленныхъ на классы, экономическое и политическое? Законъ, наказаніе, тюрьма? Судья, тюремщикъ, палачъ?

Разберемъ все это подробно, каждое въ отдѣльности, и тогда уже станемъ говорить о Нравственности и о пользѣ законовъ, судовъ, станovýchъ и урядниковъ, для насажденія оной. Но „слова“, которыя только скрываютъ отъ насъ поверхность нашего полужнанія, — мы уже лучше оставимъ. Они были, можетъ быть, неизбѣжны въ свое время — полезными то они едва-ли были когда нибудь, — но теперь мы можемъ приступить къ изученію жгучихъ вопросовъ общественныхъ, точно также, какъ опытный садовникъ съ одной стороны и ученый физиологъ съ другой, изучаютъ условія, наиболѣе способствующія пышному росту растеній.

Точно также, когда нѣкоторые экономисты говорятъ намъ, что „въ совершенно открытомъ рынкѣ цѣнность товаровъ измѣряется количествомъ труда, общественно-необходимаго для ихъ производства“, мы не принимаемъ этого утвержденія на вѣру, потому что оно высказано такими-то авторитетами, или потому что оно покажется намъ „очень социалистичнымъ“. — „Возможно, что оно и такъ“, говоримъ мы. Но не замѣчаете-ли вы, что этимъ самымъ вы утверждаете, что цѣнность и необходимый трудъ пропорціональны другъ другу, — точно также, какъ скорость свободно падающаго тѣла пропорціональна числу секундъ, которыя оно падало? Этимъ самымъ вы утверждаете, однако, количественное отношеніе между двумя величинами; а всякое количественное отношеніе можетъ быть доказано только количественными же измѣреніями. Ограничиваться же замѣчаніемъ, что мѣновая цѣнность товара растетъ вообще, если труда на него нужно затратить больше, а затѣмъ утверждать, что, слѣдовательно, обѣ величины взаимно пропорціональны, — значитъ дѣлать такую же ошибку, какъ если бы кто сталъ утверждать, что количество выпадающаго дождя измѣряется уклоненіемъ барометра внизъ отъ его средняго стоянія. Человѣкъ, впервые замѣтившій, что, вообще, говоря, при низкомъ барометрѣ выпадаетъ больше дождя, чѣмъ при высокомъ, — или же, что между скоростью падающаго камня и высотой, съ которой онъ упалъ, есть соотношеніе, — человекъ, впервые замѣтившій это сдѣлалъ научное открытіе. Но человекъ, пришедшій вслѣдъ за нимъ, съ утвержденіемъ, что количество дождя измѣряется уклоненіемъ барометра внизъ отъ средней, или

что пространство, пройденное падающимъ тѣломъ, пропорціонально времени паденія и измѣряется имъ,—не только сказалъ бы вздоръ, но еще доказалъ бы тѣмъ самымъ, что точный методъ изслѣдованія ему совершенно чуждъ: что его работа — ненаучна, какъ бы ни былъ полонъ ученыхъ словъ языкъ, на которомъ она написана. Отсутствие данныхъ, очевидно, не отговорка: въ наукѣ извѣстны сотни, если не тысячи такихъ соотношеній, въ которыхъ мы видимъ зависимость одной величины отъ другой—ну, хоть отката пушки въ зависимости отъ количества пороха въ зарядѣ, или роста растенія отъ количества получаемого имъ свѣта; но ни одному ученому не придетъ въ голову утверждать пропорціональность этихъ величинъ, не изслѣдовавши количественно ихъ отношеній и, еще менѣе, выдавать эту пропорціональность за научный законъ. Въ большинствѣ случаевъ зависимость бываетъ очень сложная—какъ оно и есть въ теоріи цѣнности. Необходимый трудъ и цѣнность вовсе не пропорціональны.

То же самое относится почти до всѣхъ экономическихъ положеній, ставшихъ нынѣ ходячими воззрѣніями въ нѣкоторыхъ кругахъ, и выдаваемыхъ съ неподражаемой наивностью за незыблемые законы. Мы не только находимъ, что большинство изъ нихъ невѣрно, но мы утверждаемъ, что сами вѣрящіе въ нихъ убѣдятся въ этомъ, какъ только поймутъ необходимость провѣрять свои количественныя утвержденія количественнымъ же изслѣдованіемъ.

* * *

Впрочемъ, и вся политическая экономія представляется намъ въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ она понимается современными экономистами, какъ буржуазнаго, такъ даже и социаль-демократическаго лагеря. И тѣ, и другіе, въ силу того, что научный методъ (естественно-научный, индуктивно-дедуктивный) имъ совершенно чуждъ, не отдають себѣ опредѣленнаго отчета въ томъ, что такое „законъ природы“, хотя безпрестанно злоупотребляютъ этимъ словомъ. Они не замѣчаютъ, что всякій законъ природы имѣетъ характеръ условный. Онъ всегда выражается такъ: — „Если въ природѣ встрѣтятся такія-то условія, то произойдетъ то-то“. — „Если одна линія пересѣкаетъ другую, образуя съ нею равные углы по обѣ стороны, то послѣдствія будутъ такія-то“. „Если на два тѣла дѣйствуютъ только тѣ движенія, которыя существуютъ въ между-звѣздномъ пространствѣ, и нѣтъ третьяго тѣла на измѣримомъ отъ нихъ разстояніи, то ихъ центры тяжести будутъ сближаться съ такою то скоростью (законъ тяготѣнія) и т. д.

Вслѣдствіе этого, всѣ, такъ-называемые, законы и теоріи

политической экономіи—въ дѣйствительности ничто иное, какъ выраженіе слѣдующаго: „Допустивши, что въ странѣ всегда имѣется значительный запасъ людей, неимѣющихъ возможности прожить и двѣ недѣли или мѣсяцъ безъ того, чтобы не принять условій, налагаемыхъ на нихъ государствомъ (подати) или предлагаемыхъ имъ тѣми, кто въ силу государственныхъ законовъ владѣеть землею, фабриками и прочими, — то произойдетъ то-то“.

До сихъ поръ, буржуазная политическая экономія и была перечисленіемъ того, что происходитъ при такихъ условіяхъ, — но съ умолчаніемъ самихъ условій. Но этимъ экономисты не ограничились. Факты, происходящіе при этихъ условіяхъ, они стали представлять намъ, какъ роковые, неизблемые законы. Соціалистическая же политическая экономія, хотя и критикуетъ нѣкоторые изъ этихъ выводовъ, или нѣсколько иначе истолковываетъ другіе, но своего пути она еще не продолжила. Она все еще остается въ старыхъ рамкахъ.

Между тѣмъ, политическая экономія должна поставить себѣ, по нашему мнѣнію, совершенно иную задачу. Она должна занять, по отношенію къ человѣческимъ обществамъ, такое же положеніе въ наукѣ, какое занимаетъ физиологія по отношенію къ растеніямъ и животнымъ. Она должна стать физиологіей общества. Она должна поставить себѣ цѣлью изученіе потребностей общества и разнообразныхъ средствъ, употребляемыхъ (и употреблявшихся) для ихъ удовлетворенія; разобрать, насколько они цѣлесообразны; а затѣмъ — такъ какъ конечная цѣль всякой науки (это высказалъ уже Бэконъ) ея практическое приложеніе къ жизни — заняться изысканіемъ средствъ удовлетворенія этихъ потребностей съ наименьшею бесполезною тратою труда (съ наибольшею его экономією) и съ наибольшею пользою для человѣчества.

Изъ сказаннаго уже будетъ понятно, почему по большинству выводовъ мы приходимъ къ другимъ заключеніямъ, чѣмъ большинство экономистовъ, какъ буржуазной, такъ и социалдемократической школы; почему мы не считаемъ „законами“ нѣкоторыя указанная ими соотношенія; почему мы совершенно иначе излагаемъ социализмъ; и почему, наконецъ, изъ изученія намѣчающихся нынѣ направленій и теченій (тенденцій) въ экономической жизни народовъ мы доходимъ до иныхъ заключеній относительно желательнаго и возможнаго; доходимъ до вольнаго коммунизма тогда, какъ большинство социалистовъ доходитъ до государственнаго капитализма и коллективизма.

Быть можетъ, мы неправы, а правы они. Но провѣрить, кто правъ, а кто нѣтъ, — нельзя ни ссылками на авторитеты, ни трилогіями Гегеля, ни діалектическимъ методамъ, а воз-

можно только, взявшись за изученіе экономическихъ отношеній, какъ фактовъ естествознанія *).

* * *

Слѣдую тому же методу, анархизмъ приходитъ къ своеобразнымъ заключеніямъ относительно государства. Онъ не могъ удовольствоваться ходячими метафизическими утвержденіями, въ родѣ слѣдующихъ:— „Государство есть утвержденіе идеи высшей справедливости въ обществѣ“, или „Государство есть орудіе и насадитель прогресса“, или, наконецъ „безъ Государства общество невозможно“. Онъ приступилъ къ изученію государства точно такъ же, какъ естествоиспытатель приступилъ бы къ изученію общежитія у пчель и муравьевъ, или у пере-

*) Нѣсколько выдержекъ изъ письма, писаннаго однимъ изъ видныхъ бельгійскихъ біологовъ и полученнаго, когда эти строки отсылались въ печать, поможетъ мнѣ пояснить сказанное на живомъ примѣрѣ. Письмо не предназначалось для печати, а потому я не называю автора:— „Чѣмъ дальше я читаю (то-то), тѣмъ болѣе я убѣждаюсь—пишетъ авторъ—что изученіе экономическихъ и социальныхъ вопросовъ отнынѣ возможно только тѣмъ, которые изучали естественныя науки и прониклись духомъ этихъ наукъ. Тѣ, которые получили только образованіе, такъ называемое классическое, неспособны болѣе понимать теперешнее движеніе умовъ и одинаково неспособны изучать кучу специальныхъ вопросовъ... Мысль объ интеграціи труда и раздѣленіе труда во времени (мысль что для общества было бы выгодно, чтобы каждый человекъ могъ работать въ земледѣліи, въ промышленности и умственнымъ трудомъ, разнообразя въ разное время свой трудъ и представляя многообразно-развитую личность) станетъ современемъ однимъ изъ краеугольныхъ камней экономической науки. Есть множество біологическихъ фактовъ, согласующихся съ подчеркнутою сейчасъ мыслью и, такимъ образомъ, показывающихъ что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ закономъ природы. (Другими словами, что въ природѣ этимъ путемъ весьма чисто достигается экономія силъ). Если разсматривать жизненныя отправленія какого-нибудь существа въ разные періоды его жизни, и даже въ разные времена года, а иногда и въ разные моменты дня, мы находимъ приложенія раздѣленія труда во времени, которое неразрывно связано съ раздѣленіемъ труда между различными органами (законъ Адама Смита).

„Ученые, незнакомые съ естественными науками, бываютъ неспособны понять истинный смыслъ закона природы; ихъ ослѣпляетъ слово законъ; и они воображаютъ, что законъ, подобный закону Адама Смита, имѣетъ фатальную силу, отъ которой невозможно избавиться. Когда имъ показываютъ обратную сторону этого закона—грустные результаты индивидуализма, съ точки зрѣнія развитія и личнаго счастья,—они отвѣчаютъ: это—неумолимый законъ и иногда даютъ этотъ отвѣтъ такъ рѣзко, что этимъ обличаютъ свою вѣру въ его непогрѣшимость. Естествоиспытатель-же знаетъ, что наука можетъ парализовать вредныя послѣдствія закона: что часто человекъ, идущій противъ природы, одерживаетъ побѣду.

„Сила тяжести заставляетъ тѣла падать; она-же заставляетъ воздушный шаръ подниматься. Намъ это кажется такъ просто: экономисты-же классической школы, повидимому, съ трудомъ лишь понимаютъ все значеніе этого замѣчанія.

„Законъ раздѣленія труда во времени станетъ противовѣсомъ закона Адама Смита и позволитъ достигнуть интеграціи труда въ каждой личности.

летныхъ птицъ, выводящихъ своихъ дѣтенышей на берегахъ субъ-арктическихъ озеръ. Къ какимъ заключеніямъ привело насъ это изученіе, по отношенію къ прошлому различныхъ политическихъ формъ и къ желательному будущему, я не стану говорить здѣсь. Мнѣ пришлось бы повторять то, что писалось анархистами со временъ Годвина, и что можно найти съ нужными разъясненіями въ цѣломъ рядѣ книгъ и брошюръ.

Замѣчу только, что Государство есть форма общежитія, развившаяся въ нашей современной цивилизаціи, только съ конца шестнадцатаго вѣка, подъ вліяніемъ причинъ, которыхъ разборъ можно найти хоть въ книжкѣ „Государство и его роль въ исторіи“. Раньше этого, Государство Римское въ его формѣ не существовало со временъ паденія Римской Имперіи, — или, вѣрнѣе, существуетъ только въ воображеніи историковъ, ведущихъ родословную русскаго самодержавія отъ Рюрика, а французскаго — отъ Меровинговъ.

Затѣмъ Государство, государственный судъ, государственная церковь и капитализмъ представляются намъ нераздѣльными понятіями. Въ исторіи, они развивались нераздѣльно другъ отъ друга, взаимно насаждая и усиливая другъ друга. Они связаны между собою — не простымъ совпадениемъ во времени, а связью слѣдствія и причины, причины и слѣдствія. Государство является, такимъ образомъ, обществомъ взаимнаго застрахованія власти землевладѣльца, воина, судьи и священника, для утвержденія ихъ власти надъ народомъ и эксплуатаціи бѣдноты. Мечтать поэтому о разрушеніи капитализма съ сохраненіемъ государства — которое и создалось то ради насажденія онаго, и росло совмѣстно съ нимъ — также невѣрно, но по нашему мнѣнію, какъ мечтать объ освобожденіи рабочаго при содѣйствіи христіанской церкви, или Наполеоновскаго цезаризма. Многіе социалисты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мечтали объ этомъ; намъ же, на рубежѣ двадцатаго вѣка, совсѣмъ не пристало лелѣять подобныя мечты.

Х.

Очевидно, что разъ анархизмъ такъ расходится, и въ методѣ изслѣдованія и въ основныхъ своихъ началахъ, какъ съ академическою наукою объ обществѣ, такъ и со своими социалдемократическими собратіями, онъ неизбѣжно долженъ расходиться съ послѣдними и въ способахъ дѣйствія.

Понимая Право, Законъ и Государство, какъ мы ихъ понимаемъ, мы не можемъ видѣть залога прогресса, а тѣмъ менѣе социальной революціи, въ подчиненіи личности государству. Говорить, какъ говорятъ поверхностные толкователи общественныхъ явленій, что современный капитализмъ наро-

дился изъ „Анархіи эксплуатаціи“, изъ теоріи невмѣшательства государства, которое будто бы проводило формулу: „пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ“ („laissez faire, laissez passer“), мы потому уже не можемъ, что мы знаемъ, что это неправда. Давая капиталисту полную волю наживаться трудомъ обездоленныхъ рабочихъ, правительства никогда, за весь девятнадцатый вѣкъ, нигдѣ, не предоставляли рабочимъ „дѣлать, какъ они хотятъ“. Свирѣпый „революціонный“, т. е. якобински-революціонный Конвентъ объявлялъ: „За стачку, за образованіе государства въ государствѣ—смерть“. Въ 1813 г., въ Англіи, вѣшали за стачки; въ 1831 г.—сылали въ Австралію за образованіе Овэнсовскаго Союза Ремеслъ; въ шестидесятыхъ годахъ приговаривали къ каторгѣ; и даже сейчасъ, въ настоящую минуту, съ рабочихъ требуютъ по суду, по закону, уплаты „убытковъ“ въ 550.000 рублей за отговариванье рабочихъ отъ работы во время стачекъ. О Франціи же, Бельгіи, Швейцаріи (вспомните избіенія въ Айрлоу), Германіи и Россіи—уже и говорить нечего. Нечего говорить также и о томъ, какъ налогами государство доводитъ рабочаго до нищеты, нужной для хозяина фабрики; какъ Катковы стараются объ уничтоженіи земельной общины, ради доставленія дешевыхъ рукъ московскимъ фабрикантамъ; какъ въ Англіи уничтожали и по сію пору еще уничтожаютъ общину, давая лорду право „загородить“ общинныя земли, и о всѣхъ подобныхъ „невмѣшательствахъ“ государства. Еще менѣе стоитъ говорить о томъ, какъ въ настоящую минуту всѣ государства, безъ единого исключенія, создаютъ (чего ужъ тутъ говорить о „первоначальномъ накопленіи“, когда оно продолжается до сихъ поръ), создаютъ своею силою всевозможныя монополии: желѣзнодорожныя, трамвайныя, телефонныя, газовыя, водопроводныя, электрическія, школьныя и такъ далѣе, безъ конца. Однимъ словомъ, никогда, ни на одинъ часъ, ни въ одномъ государствѣ, система невмѣшательства—„пусть дѣлаютъ какъ хотятъ“ не была приложена. А потому, если буржуазнымъ экономистамъ позволительно утверждать, что система „невмѣшательства“ практикуется (такъ какъ имъ требуется доказать, что нищета есть законъ природы), то социалистамъ совѣмъ просто зазорно увѣрять въ этомъ рабочихъ: свободы сопротивляться эксплуатаціи до сихъ поръ нигдѣ, никогда еще не существовало. Вездѣ ее приходилось брать съ боя, шагъ за шагомъ, путемъ безконечныхъ жертвъ. „Невмѣшательство“—и болѣе чѣмъ невмѣшательство: прямая поддержка, — было только въ пользу грабителей. И иначе быть не могло. Миссія Церкви была—держатъ народъ въ умственномъ рабствѣ; миссія государства — держатъ его, полуголоднаго, въ рабствѣ экономическомъ.

Зная это, мы не можемъ видѣть залога прогресса въ еще

большемъ подчиненіи всѣхъ государству. Мы ищемъ его въ наиболѣе полномъ освобожденіи Личности отъ власти государственной; въ наибольшемъ развитіи личнаго почина и, вмѣстѣ съ тѣмъ—въ ограниченіи отправления государства, а не въ расширеніи ихъ.

Ходъ впередъ представляется намъ въ уничтоженіи первыхъ, власти, насѣвшей (особенно начиная съ шестнадцатаго вѣка) на общество и все болѣе и болѣе стремящейся расширить свои отправления; а во-вторыхъ—въ возможно болѣе широкомъ развитіи договорнаго начала и самостоятельности всѣхъ возможныхъ союзовъ, создающихся ради опредѣленныхъ цѣлей и, путемъ договора, охватывающихъ все общество. Сама же жизнь общества представляется намъ, не какъ нѣчто законченное, завершенное, а какъ нѣчто никогда не заканчиваемое; вѣчно живое и постоянно измѣняющее свои формы, согласно потребностямъ времени.

Такое пониманіе человѣческаго прогресса, а также воззрѣніе на то, что желательно въ будущемъ (что можетъ умножить сумму счастья) неизбежно ведетъ и къ своеобразной тактикѣ въ борьбѣ,—къ стремленію развить наибольшую силу почина въ отдѣльныхъ кружкахъ и личностяхъ, причемъ единство дѣйствія достигается единствомъ цѣлей и тою убѣдительною, которую всегда получаетъ свободно и серьезно-обсужденная мысль. Это стремленіе отражается во всей тактикѣ и во всей внутренней жизни каждой изъ анархическихъ группъ.

Затѣмъ мы утверждаемъ и стараемся доказать, что всякой новой экономической формѣ общежитія надлежитъ выработать свою новую форму политическихъ отношеній. Такъ было въ исторіи, и такъ будетъ несомнѣнно въ будущемъ: новыя формы уже намѣчаются.

Крѣпостное право и самодержавіе, или, по крайней мѣрѣ, почти неограниченная власть короля или царя, шли въ исторіи рука объ руку. Онѣ обусловливали другъ друга. Точно также правленіе капиталистовъ выработало свой характерный политическій строй—представительное правленіе въ строго-централизованной, объединенной монархіи или республикѣ.

Соціализму, въ какой бы формѣ онъ не проявился и въ какой бы мѣрѣ онъ не подошелъ къ коммунизму, предстоитъ также выработать свою форму политическихъ отношеній. Старыми онъ не можетъ воспользоваться, какъ не могъ бы воспользоваться церковною іерархіею и ея теоріею. Въ той или другой формѣ, онъ долженъ стать больше мірскимъ, менѣе полагаться на косвенное правленіе, черезъ выборныхъ,—стать болѣе самоуправляющимся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, присматриваясь къ современной жизни Франціи и Англій, а также отчасти и Америки, мы видимъ стремленіе слагаться въ группы незави-

симыхъ въ полномъ смыслѣ общинъ, городскихъ и сельскихъ, связанныхъ между собою, въ самыхъ многообразныхъ отношеніяхъ союзными договорами—ради данныхъ, непосредственныхъ цѣлей. Къ этой формѣ стремятся, конечно, не Битте, не Вильгельмъ II, и даже не якобинцы, нынѣ управляющіе Швейцаріей—они работаютъ по старому образцу,—но несомнѣнно стремится передовая, прогрессивная часть западно-европейскихъ обществъ и американскаго народа. Въ жизни это стремленіе выражается тысячами попытокъ организовать внѣ, особливо отъ государства, или же взять на себя нѣкоторыя изъ функций, взятыхъ на себя государствомъ,—съ которыми оно, конечно, и не справилось; а въ крупномъ міровомъ общественномъ явленіи выразилось оно въ Парижской Коммунѣ и въ цѣломъ рядѣ такихъ же общественныхъ возстаній во Франціи и Испаніи. Въ мірѣ же понятій, идей, распространяющихся въ обществѣ, это возрѣніе уже представляетъ собою крупный историческій факторъ.

Въ силу этого, мы убѣждены, что работать надъ утвержденіемъ государственнаго, къ тому же централизованнаго капитализма—значитъ работать противъ намѣтившагося уже теченія прогресса. Мы видимъ въ этомъ непониманіе исторической задачи социализма, видимъ крупную историческую ошибку и боремся противъ нея. Увѣрять рабочихъ, что они смогутъ—не говорю уже водворить социализмъ, но сдѣлать хотя бы первые шаги на пути къ социализму, сохранивъ всю государственную машину, но только перемѣнивши въ ней людей,—не содѣйствовать, а даже мѣшать тому, чтобы умы рабочихъ направились на изысканіе новыхъ, своихъ формъ политической жизни—въ нашихъ глазахъ такая колоссальная историческая ошибка, которая граничитъ съ преступленіемъ.

Наконецъ, представляя собою революціонную партію, мы стараемся изучить исторію зарожденія и развитія прежнихъ революцій. И прежде всего, мы пытаемся освободить доселѣ написанныя исторіи революцій отъ партіозной и большею частью ложной государственной окраски, приданной имъ. Въ написанныхъ до сихъ поръ исторіяхъ мы не видимъ еще народа, не видимъ хода зарожденія революцій. Казенныя фразы объ отчаянномъ положеніи народа передъ революціей еще не объясняютъ, откуда среди этого отчаянія зародилась надежда чего-то лучшаго,—откуда взялся революціонный духъ. А потому, перечитавши эти исторіи, мы откладываемъ ихъ въ сторону и, обращаясь къ перво-источникамъ, стараемся узнать изъ нихъ о ходѣ пробужденія въ народѣ и о роли народа въ революціяхъ.

Такъ, напримѣръ, мы понимаемъ Великую Революцію во Франціи вовсе не такъ, какъ ее представилъ Луи Бланъ, къ

торый излагалъ ее, главнымъ образомъ, какъ великое политическое движеніе, руководимое якобинскимъ клубомъ. Мы видимъ въ ней прежде всего стихійное народное движеніе, по преимуществу крестьянское („въ каждомъ селѣ былъ свой Робеспьеръ“, какъ замѣтилъ Шлоссеру Грегуаръ, знавшій народное возстаніе). И стремилось это крестьянское возстаніе къ уничтоженію всѣхъ пережитковъ крѣпостнаго права и къ отнятію у помѣщиковъ земель, захваченныхъ ими у крестьянскихъ общинъ,—чего, къ слову сказать, они и достигли. На почвѣ этого крестьянскаго возстанія и проявившагося вслѣдствіе этого безсилія властей, безначалія, мы находимъ, съ одной стороны, стремленіе къ смутно понимаемому социалистическому равенству среди городскихъ рабочихъ, а съ другой стороны—буржуазію, умно стремящуюся установить свою власть, на мѣсто разрушенной королевской. Ради этого, буржуа упорно съ ожесточеніемъ боролись, чтобы создать могучее, всепоглощающее, централизованное государство, которое сохранило бы и обезпечило имъ ихъ права собственности (частью награбленной во время революціи) и дало бы имъ полную возможность необузданно эксплуатировать бѣдноту. Эту власть свою буржуазія удержала и дала ей дальнѣйшее развитіе, а въ подготовленной буржуазіею централизаціи Наполеонъ нашелъ прекрасную почву для имперіи. Отъ этой сосредоточенной власти, убивающей всю мѣстную жизнь, Франція терпитъ до сихъ поръ, и первая попытка сбросить съ себя это иго—попытка, открывшая новую эру въ исторіи—была сдѣлана только въ 1871 году парижскимъ пролетаріатомъ.

Не вдаваясь здѣсь въ разсмотрѣніе другихъ революціонныхъ движеній, достаточно сказать, что мы понимаемъ будущую социальную революцію вовсе не какъ якобинскую диктатуру,—вовсе не какъ измѣненіе общественныхъ учрежденій Конвентомъ, Палатою, Думою или диктаторомъ:—такихъ революцій никогда не бывало, и движеніе, если бы оно вылилось въ эту форму, было бы обречено на неизбѣжную гибель. Мы понимаемъ революцію, какъ все охватывающее народное движеніе, во время котораго, въ каждомъ городѣ и деревнѣ данной области, охваченной возстаніемъ, народнымъ массамъ придется самимъ взяться за постройки общества—за строительную работу на коммунистическихъ началахъ, не дожидаясь приказовъ и распорядковъ свыше, то-есть, прежде всего—прокормить всѣхъ, дать всѣмъ жилище, а затѣмъ—производить именно то, что нужно для прокормленія всѣхъ и доставленія крова и одежды всѣмъ.

На представительное же правительство, самоназначенное или выборное—будь то диктатура „пролетаріата“, какъ говорили въ сороковыхъ годахъ во Франціи и теперь еще говорятъ въ

Германіи, или же выборное „временное правительство“, или же „Конвентъ“—мы не возлагаемъ никакихъ надеждъ. Не потому, чтобы они намъ не нравились, а потому что нигдѣ, никогда, мы не находимъ въ исторіи, чтобы люди, вынесенные въ правительство революціонною волною, были на высотѣ своего положенія; потому что въ дѣлѣ перестройки общества на новыхъ коммунистическихъ началахъ отдѣльные люди, какъ бы умны и преданы дѣлу они не были,—бесильны. Они могутъ только найти законное выраженіе для той ломки, которая будетъ уже совершаться—самое большое нѣсколько расширить и распространить ее. Ломка же должна совершаться снизу, на каждомъ пунктѣ территоріи. Навязать ее закономъ—невозможно, какъ и доказало, между прочимъ, Вандейское возстаніе. Для новыхъ же началъ зарождающейся жизни никакое правительство и не можетъ найти выраженія до тѣхъ поръ, пока эти новыя начала не опредѣлятся самою постройительною работою народныхъ массъ, въ тысячахъ пунктовъ заразы.

При такомъ пониманіи задачъ революціи, анархизмъ очевидно не можетъ сочувственно относиться къ программѣ, ставящей своею цѣлью „захватъ власти въ теперешнемъ обществѣ“, какъ выражаются во Франціи. Мы знаемъ, что мирнымъ парламентскимъ путемъ такой захватъ невозможенъ. По мѣрѣ того, какъ социалисты приближаются къ власти въ теперешнемъ буржуазномъ обществѣ, ихъ социализмъ долженъ выцвѣтать: безъ этого, буржуазія,—гораздо болѣе сильная, и численно и умственно, чѣмъ это говорятъ въ социалистической прессѣ,—не признаетъ ихъ своими владыками. И мы знаемъ также, что если бы революціонная волна дала Франціи, или Англии, или Германіи социалистическое правительство, оно, безъ самодѣтельности самаго народа, было бы бесильно и стало бы тормазомъ революціи.

Наконецъ, изъ изученія подготовительныхъ періодовъ всѣхъ революцій, мы выносимъ убѣжденіе, что ни одна революція не исходила изъ парламентовъ и другихъ представительныхъ собраній. Всѣ начинались въ народѣ. И ни одна революція не явилась во всеоружіи, родившись въ одинъ день, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Всѣ они имѣли свой подготовительный періодъ, во время котораго массы проникались понемногу весьма медленно революціоннымъ духомъ; набирались смѣлости, начинали надѣяться и выходили изъ прежняго равнодушнаго отчаянія. Происходило же это пробужденіе революціоннаго духа всегда такъ, что сперва единичныя личности, глубоко-возмущенныя существующимъ, возставали противъ него въ одиночку. Многие гибли—„безполезно“, какъ говорятъ кабинетные теоретики въ туфляхъ,—но равнодушіе общества было потрясено. Самые тупые и самодовольные господа были вынуждены подумать, за

что это люди, молодые, честные, полные силъ, отдавали свою жизнь? Равнодушнымъ нельзя было оставаться, — приходилось высказываться за или противъ; мысль пробуждалась. Затѣмъ мало-по-малу, тѣмъ же духомъ бунтовства проникались мелкія группы людей; онѣ тоже возставали, — иногда съ надеждою на мѣстный успѣхъ, въ стачкѣ, или противъ ненавистнаго чиновника, или чтобы накормить голодныхъ дѣтей, но очень часто, также безъ всякой надежды на успѣхъ, — просто потому, что стало не въ моготу терпѣть. Не одинъ, недва, не десятки, а сотни подобныхъ бунтовъ предшествовали и должны предшествовать всякой революціи. Безъ нихъ ни одна революція не совершилась, ни одна уступка не была сдѣлана правящими классами. Даже пресловутое мирное уничтоженіе крѣпостнаго права въ Россіи было вынуждено рядомъ крестьянскихъ возстаній, начавшихся съ начала пятидесятихъ годовъ (какъ отголосокъ, можетъ быть, европейской революціи 1848 г.) и разросавшихся съ каждымъ годомъ, доходя до неслыханнаго прежде ожесточенія вплоть до 1857 г. Слова Герцена: „Лучше сдѣлать освобожденіе сверху, чѣмъ ждать, пока оно придетъ снизу“ — слова, повторенныя Александромъ II передъ московскими крѣпостниками, были не фраза, а прямое заявленіе дѣйствительности. Тѣмъ болѣе оно такъ передъ революціями было. И можно выставить, какъ общее правило, что характеръ всякой революціи опредѣляется характеромъ и цѣлью возстаній, предшествовавшихъ ей.

Ждать поэтому, чтобы социальная революція пришла, какъ имянинный подарокъ, безъ цѣлаго ряда личныхъ актовъ возмущенной совѣсти и безъ цѣлыхъ сотенъ предварительныхъ возстаній, которыми опредѣлится самый характеръ революціи — по меньшей мѣрѣ нелѣпо. Увѣрять же рабочихъ, что они получаютъ всѣ блага социалистическаго переворота, ограничиваясь избирательною агитаціею, и накидываться съ пѣною у рта на всѣ акты единичнаго бунта и на всѣ мелкіе предварительные бунты — даже, когда они проявляются у народовъ исторически болѣе революціонныхъ, чѣмъ нѣмцы, — значитъ становиться такимъ же препятствіемъ развитію революціоннаго духа и всякаго прогресса, какимъ была и есть христіанская церковь.

* * *

Не вдаваясь въ дальнѣйшее обсужденіе началъ анархизма и анархической программы дѣйствія — сказаннаго будетъ, я думаю, достаточно, чтобы указать положеніе анархизма въ ряду современныхъ человѣческихъ знаній.

Анархизмъ представляетъ собою попытку приложить обобщенія, добытыя естественно-научнымъ индуктивнымъ методомъ, къ оцѣнкѣ человѣческихъ учреждений и угадать на основаніи

этой оцѣнки дальнѣйшіе шаги человѣчества на пути свободы, равенства и братства, съ цѣлью осуществленія наибольшей суммы счастья для каждой изъ единицъ человѣческаго общества.

Онъ составляетъ неизбѣжный результатъ того естественно-научнаго умственнаго движенія, которое началось въ концѣ восемнадцатаго вѣка, было задержано на полъ-вѣка реакціею водворившеюся въ Европѣ послѣ французской революціи, и въ полномъ расцвѣтѣ силъ выступило снова, начиная съ конца пятидесятихъ годовъ. Его корни—въ естественно-научной философіи восемнадцатаго вѣка. Полное же свое научное обоснованіе онъ могъ получить только послѣ того пробужденія естествознанія, которое возродило къ жизни лѣтъ сорокъ тому назадъ естественно-научное изученіе человѣческихъ общественныхъ учрежденій.

Въ немъ нѣтъ мѣста тѣмъ, яко-бы научнымъ, законамъ, которыми приходилось довольствоваться германскимъ метафизикамъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ; и онъ не принимаетъ другаго метода, кромѣ естественно-научнаго. Этотъ методъ онъ прилагаетъ ко всѣмъ такъ называемымъ гуманитарнымъ наукамъ и, пользуясь имъ, а также и всѣми изслѣдованіями, недавно вызванными этимъ методомъ, онъ стремится перестроить всѣ науки о человѣкѣ и пересмотрѣть всѣ ходячія понятія о правѣ, справедливости и т. п. на началахъ, послужившихъ для пересмотра всѣхъ естественныхъ наукъ. Его цѣль — научное міросозерцаніе, обнимающее всю природу, въ томъ числѣ и человѣка.

Этимъ міросозерцаніемъ опредѣляется положеніе, занятое анархизмомъ въ практической жизни. Въ борьбѣ между личностью и государствомъ, анархизмъ, подобно своимъ предшественникамъ восемнадцатаго вѣка, выступилъ за личность противъ государства, за общество — противъ настѣвшей на него власти. И, пользуясь историческимъ матеріаломъ, накопленнымъ современною наукою, онъ показалъ, что государственная власть, которой гнетъ растеть съ каждымъ годомъ, есть, собственно говоря, надстройка—вредная ненужная и, для насъ, современныхъ европейцевъ, создавшаяся сравнительно недавно: надстройка въ интересахъ капитализма, погубившая уже въ древней исторіи политически-свободный Римъ, политически-свободную Грецію и всѣ прочіе центры цивилизаціи, возникавшіе на Востокѣ и въ Египтѣ. Власть, создавшаяся для объединенія интересовъ землевладѣльца, судьи, воина и жреца, и во все время исторіи становившаяся поперекъ попытокъ человѣчества создать себѣ болѣе обезпеченную и свободную жизнь, не можетъ стать орудіемъ освобожденія — точно также, какъ Цезаризмъ (императорство) или Церковь не можетъ послужить орудіемъ социалистическаго переворота.

На почвѣ экономической, анархизмъ пришелъ къ заключенію, что современное зло имѣетъ свой корень не въ томъ, что капиталистъ присваиваетъ себѣ барышъ или прибавочную стоимость, а въ самомъ фактѣ возможности этого барыша, который потому только и получается, что миллионамъ людей буквально нечѣмъ прокормиться, если не продать свою силу за такую цѣну, при которой возможенъ будетъ барышъ и созидаіе „прибавочной цѣнности“. Онъ понялъ, поэтому, что въ политической экономіи прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на такъ называемое „потребленіе“, и что первымъ дѣломъ революціи должно быть—перестроить его, обезпечивъ пищу, жилище и одежду для всѣхъ. „Производство“ же должно быть приспособлено къ тому, чтобы удовлетворить этой первой, насущной потребности общества. Поэтому, анархизмъ не можетъ видѣть въ будущей ближайшей революціи — простую замѣну денежныхъ знаковъ рабочими чеками или замѣну теперешнихъ капиталистовъ — государствомъ. Онъ видитъ въ ней первый шагъ на пути къ безгосударственному коммунизму.

Правъ ли анархизмъ въ своихъ выводахъ—покажетъ научная критика его основъ и практическая жизнь будущаго. Но въ одномъ онъ, конечно, безусловно правъ: въ томъ, что онъ включилъ изученіе общественныхъ учрежденій въ область естественно-научныхъ изслѣдованій, распрощался навсегда съ метафизикою и пользуется тѣмъ методомъ, которымъ создалось современное естествознаніе и современная матеріалистическая философія. Благодаря этому, самыя ошибки, которыя могли быть сдѣланы анархизмомъ въ его изслѣдованіяхъ могутъ быть легче открыты. Но провѣрены его выводы могутъ быть только тѣмъ же естественно-научнымъ, индуктивно-дедуктивнымъ методомъ, какимъ создается всякая наука и всякое научное міросозерцаніе.

Сентябрь. 1901 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

- I. Два основныхъ теченія въ обществѣ: народное и начальническое. Средство анархизма съ народно-созидательнымъ теченіемъ 3
- II. Умственное движеніе XVIII вѣка; его основныя черты: изслѣдованіе всѣхъ явленій научнымъ методомъ. — Застой научной мысли въ началѣ XIX вѣка. — Пробужденіе социализма: его вліяніе на развитіе науки. — Пятидесятые годы 6
- III. Попытка Огюста Конта построить синтетическую философію. — Причины его неудачи: религиозное объясненіе нравственнаго начала въ человѣкѣ. 13
- IV. Расцвѣтъ точныхъ наукъ въ 1856—62 гг. — Выработка механическаго міросозерцанія, охватывающаго развитіе человѣческихъ понятій и учреждений. Теорія развитія. 15
- V. Возможность новой синтетической философіи. — Попытка Спенсера. — Почему она не удалась. — Методъ не выдержанъ. — Ложное пониманіе „борьбы за существованіе“ 19
- VI. Причины этой ошибки. — Церковное ученіе: „міръ во злѣ лежитъ“. — Государственное насажденіе того же взгляда на „коренную испорченность человѣка“. — Взгляды современной антропологин на этотъ предметъ. — Выработка формъ жизни „массами“ и Законъ. — Его двойственный характеръ. 22
- VII. Положеніе анархизма въ наукѣ. — Его стремленіе выработать синтетическое пониманіе міра. — Его дѣль 26

VIII. Его происхождение.—Какъ выработывается его идеаль естественно-научнымъ методомъ	29
IX. Краткій обзоръ выводовъ, къ которымъ пришелъ анархизмъ:—Законъ.—Нравственность.—Экономическія понятія.—Государство	31
X. Продолженіе—Способы дѣйствія.—Пониманіе революцій и ихъ зарожденія.—Творчество народа.—Заключеніе.	37
